
Герои и Титаны:
Эпос Вселенной
2
IThink

IThink

Герои и Титаны: Эпос Вселенной 2

«Автор»
2026

IThink

Герои и Титаны: Эпос Вселенной 2 / IThink — «Автор», 2026

Мир, рождённый из древнего противостояния, хранит тайны, способные разрушить саму реальность. Пока королевства ведут собственные войны, Терроблейд раскрывает тайну древних печатей и находит способ использовать забытые ошибки прошлого.Мирана, Давион, Инвокер и их союзники оказываются перед выбором, в котором нет простого ответа: можно ли спасти мир, лишив его свободы выбирать собственную судьбу? Чтобы остановить надвигающуюся катастрофу, им предстоит столкнуться не только с врагом, но и с правдой, которую сама реальность пыталась забыть.Когда прошлое возвращается, даже спасение мира может оказаться слишком высокой ценой.

© IThink, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Мир, забывший древних 5
Глава 1 Сердце Безмолвия 6
Глава 2 Маг, услышавший трещину 9
Глава 3 Лира и молчание Селемине 14
Глава 4 Дракон под чёрным снегом 18
Глава 5 Король, купивший рассвет 24
Глава 6 Кузнец и голос дракона 27
Глава 7 Те, кто помнит камень 34
Глава 8 Тот, кто пришёл после смерти 39
Глава 9 Башня, которой не было 40
Глава 10 Голос, который не принадлежал дракону 43
Глава 11 Цена имени 45
Глава 12 Имя без хозяина 51
Глава 13 Имя за дверью 57
Глава 14 То, что осталось за чертой 68
Конец ознакомительного фрагмента. 78

IThink
Герои и Титаны: Эпос Вселенной 2

Пролог. Мир, забывший древних

Задолго до того, как появились первые королевства, мир уже пережил войну.

Не было летописцев, способных записать её историю. Не было народов, которые могли бы сохранить её в песнях. Даже время тогда не текло так, как текло теперь. Существовали лишь силы, для которых миры были не домами, а владениями, а сама реальность — пространством, которое можно захватить.

Радинтул и Дирул стремились поглотить друг друга. Их противостояние грозило уничтожить всё, что существовало между ними. Тогда Зет, известный позднее как Безумная Луна, совершил поступок, последствия которого пережили эпохи. Он заключил двух Древних в пределах Великой Луны, связав их конфликт печатями, разбросанными по разным мирам.

Чтобы печати не остались без защиты, были призваны хранители. Среди них оказались восемь древних драконов. Они поклялись оберегать замки, удерживавшие силы Древних.

Но даже самая крепкая клятва не могла сделать вечным то, что было создано волей живого существа.

Прошли тысячелетия.

Народы возвели города. Короли поделили земли. Маги построили башни, жрецы — храмы, а воины пролили реки крови за границы, которые однажды исчезнут вместе с теми, кто их начертил.

Старые предания превратились в сказки. Имена Радинтула и Дирула произносили лишь в самых древних монастырях. Зета считали существом из легенд, а истории о восьми печатях воспринимали как аллегории, придуманные мудрецами для объяснения устройства мира.

Только сама Великая Луна не забыла ничего.

В её глубине, за границами привычного пространства, терпеливо ждал тот, кто умел превращать чужие желания в цепи.

Террорблейд не собирался ломать все замки силой.

Он знал: иногда достаточно заставить хранителя усомниться в том, ради чего тот несёт свою ношу.

И в тот год, когда над южными землями впервые появилась луна с едва заметной красной чертой, древняя война начала возвращаться.

Не с громом.

С шёпотом.

Глава 1 Сердце Безмолвия

Квойдор никогда не спал по-настоящему.

Даже в самые тёмные часы над его узкими улицами оставались открытыми окна трактиров, в кузницах продолжали работать молоты, а в семи башнях, возвышавшихся над городом, горели огни. Одни принадлежали учёным, другие — магам, третьи — людям, чьи имена не упоминались даже в городских хрониках.

С высоты Квойдор казался вычерченным на земле по линейке. Семь башен образовывали почти правильный круг, между ними лежали площади и мосты, а за внешними стенами начинались поля, постепенно растворявшиеся в утреннем тумане.

Горожане гордились своим порядком.

Они верили, что порядок и есть защита от хаоса.

Аурен тоже верил в это.

Ему было двадцать лет, и он ещё не успел решить, кем хочет стать: настоящим магом, хранителем городских архивов или одним из тех учёных, чьи открытия переживают их самих. Пока он служил младшим хранителем при восточной башне и выполнял работу, которую старшие считали слишком скучной для себя.

Он переписывал рукописи, сверял печати, проверял каталоги и относил пыльные свитки из одного хранилища в другое.

В этом занятии было мало величия, зато имелось одно преимущество: в архивах Аурена почти никто не беспокоил.

Он любил тишину.

Любил, когда древние слова ложились в правильном порядке, когда повреждённая страница находила своё место в рукописи, а противоречие в летописи можно было объяснить ошибкой переписчика.

Мир казался ему огромной книгой, в которой некоторые страницы были утрачены, но ни одна не противоречила остальным намеренно.

До того утра.

Аурен пришёл в восточную башню раньше обычного. Ночью прошёл дождь, и вода стекала по каменным подоконникам тонкими серебряными нитями. На лестнице пахло сыростью, воском и старой бумагой.

Он зажёг лампу, снял с полки журнал выдачи ключей и заметил, что одна строка исчезла.

Не была вычеркнута.

Не стёрлась.

Она просто отсутствовала.

Строка находилась между двумя записями, написанными одним почерком, одними чернилами и в один день. Бумага в этом месте оставалась целой. Даже волокна не нарушились.

Аурен провёл пальцем по пустому промежутку.

— Кто-то испортил журнал, — пробормотал он.

Но произнёс это без уверенности.

Он сверил запись с копией, хранившейся в соседнем шкафу. Там строка тоже отсутствовала. Затем проверил старый каталог и обнаружил, что в нём не было целого раздела, который, согласно оглавлению, должен был занимать девять страниц.

Страницы существовали.

Номера шли подряд.

Но содержание исчезло.

Аурен принёс ещё три книги. Потом ещё две. К полудню его стол оказался завален рукописями, а на полях журнала появились десятки пометок.

Он обнаружил повторяющийся знак: круг, перечёркнутый тонкой линией.

Сначала знак показался ему обычной пометкой архивариуса. Но в каждой книге он находился возле упоминания о вещах, которые никто не мог объяснить: исчезнувших поселениях, звёздах, видимых лишь одну ночь, и людях, чьи имена внезапно пропадали из семейных записей.

В последней книге знак был нарисован на странице, которой не было в каталоге.

Под ним стояли четыре слова:

«Не открывай Сердце Безмолвия».

Аурен долго смотрел на надпись.

Сердце Безмолвия находилось под центральной башней Квойдора. Его существование не скрывали, но о нём почти не говорили. По официальной версии, это был древний артефакт, оставшийся от цивилизации, исчезнувшей задолго до основания города.

Он не давал власти над стихиями, не усиливал заклинания и не мог исцелять раны. По крайней мере, никто не сумел доказать обратного.

Зато артефакт был защищён сильнее, чем королевская казна.

К нему допускали только нескольких старших хранителей. Даже маги семи башен не могли осмотреть его без особого разрешения.

Аурен не собирался нарушать правила.

Он повторил это про себя, закрыл книгу и направился к выходу.

Но уже на лестнице услышал звук.

Тихий, почти неразличимый.

Словно где-то глубоко под камнем кто-то провёл ногтем по стеклу.

Аурен остановился.

Звук повторился.

Он посмотрел на лампу. Пламя не колебалось. В коридоре никого не было. И всё же теперь Аурен ясно чувствовал, что звук идёт снизу — из-под центральной башни, из глубины, куда не проникал дневной свет.

Он должен был вызвать старшего хранителя.

Вместо этого он спустился на один пролёт.

Потом ещё на один.

У двери, ведущей к нижним помещениям, висела медная табличка с предупреждением. Аурен видел её сотни раз, но прежде никогда не замечал, что надпись на ней состоит из двух разных текстов. Верхний был нанесён обычным способом. Нижний проступал лишь под определённым углом, будто металл помнил слова, которые пытались стереть.

Аурен наклонил лампу.

Второй текст проявился целиком:

«Если услышишь зов, не отвечай».

Он отступил.

И в тот же миг голос произнёс его имя.

Не громко. Не угрожающе.

Скорее с любопытством.

— Аурен.

Юноша выронил лампу. Она ударилась о камень, но не погасла.

Он не видел говорившего. Не заметил движения за дверью. Однако голос был так близко, что на мгновение ему показалось, будто незнакомец стоит прямо за его плечом.

— Кто здесь? — спросил Аурен.

Тишина.

Он понял, что совершил ошибку, ещё до того, как услышал ответ.

— Тот, кого вы так долго охраняете.

Дверь оставалась запертой.

Замок не двигался. Печати не светились. Никакой магической волны не прокатилось по коридору.

И всё же Аурен ощутил, как внутри него что-то изменилось. Не страх — по крайней мере, не только страх. Скорее внезапное понимание, что всю жизнь он стоял возле огромной двери, принимая её за стену.

— Что такое Сердце Безмолвия? — прошептал он.

Ответ пришёл не сразу.

— Замок.

— Что оно запирает?

На этот раз голос прозвучал почти ласково.

— То, чему ваши предки не сумели дать имя.

Аурен схватил лампу и бросился вверх по лестнице. Он не оглядывался, пока не достиг освещённого коридора. Там он остановился, прижал ладонь к холодной стене и попытался восстановить дыхание.

Ему хотелось найти объяснение.

Иллюзия. Чужое заклинание. Усталость. Чья-то жестокая шутка.

Любое из этих объяснений было лучше того, что он услышал.

Но когда Аурен вернулся к своему столу, он увидел на раскрытой странице красную линию.

Тонкую, едва заметную трещину, проходившую через знак круга.

Она появилась прямо на бумаге.

А затем медленно продолжила расти.

Аурен не прикоснулся к странице. Он даже не дышал, пока красная линия не остановилась у края рисунка.

В тот же миг во всех семи башнях Квойдора на один удар сердца погасли огни.

Горожане ничего не заметили. Торговцы продолжали спорить о цене зерна, дети бегали по площадям, а стражники сменяли друг друга у ворот.

Никто не услышал далёкого звона, прошедшего сквозь камень.

Никто, кроме одного человека в белой башне далеко на севере.

Инвокер поднял голову от книги.

И впервые за много лет забыл, что собирался сказать.

Глава 2 Маг, услышавший трещину

На севере не было городских колоколов.

Там, где горы поднимались выше облаков, а ветер неделями не менял направления, время измерялось иначе. Не по восходам и закатам, не по смене правителей и даже не по человеческим жизням. Его измеряли движением звёзд, медленным разрушением скал и тем, насколько далеко за одну ночь отступал снег.

На одной из таких гор стояла белая башня.

Её построили задолго до появления нынешних королевств. Никто не знал имени первого владельца. Некоторые утверждали, что башня возникла вокруг обломка звезды; другие считали её частью древней обсерватории, созданной существами, которые давно покинули этот мир.

Инвокер не верил ни одной из этих версий.

Он изучил фундамент, исследовал кладку и провёл достаточно опытов, чтобы прийти к выводу: башня не была построена обычным способом. Камни в её стенах не соединялись раствором. Они удерживались друг другом посредством заклинания, которое не старело и не требовало подпитки.

Это открытие заинтересовало его гораздо сильнее любых легенд.

Инвокер вообще редко интересовался легендами. Он предпочитал знания, которые можно проверить, и силы, которыми можно управлять. Если мир казался непостижимым, это означало лишь, что кто-то ещё не задал правильный вопрос.

В то утро он изучал рукопись, найденную в развалинах древнего храма.

Текст был повреждён. Большая часть символов не соответствовала ни одному известному алфавиту, но отдельные фрагменты поддавались расшифровке. Автор описывал некое равновесие, существовавшее до появления привычных законов природы.

Инвокер уже три дня пытался понять, что означала фраза, повторявшаяся в рукописи несколько раз:

«Когда замок вспомнит пленника, мир вспомнит войну».

Он считал её метафорой.

Теперь он в этом сомневался.

Свечи на столе погасли одновременно.

Инвокер не поднял головы. Он продолжал смотреть на страницу, хотя чернила на ней начали медленно менять цвет.

Сначала исчезли последние строки.

Затем буквы на середине листа расплылись, словно бумага намокла изнутри. На мгновение между ними возникла тонкая красная черта.

Инвокер отложил перо.

— Любопытно.

Он произнёс слово без удивления, но уже потянулся к трём сферам, лежавшим на подставке рядом с книгой.

Квас.

Векс.

Экзорт.

Они были не просто инструментами его магии. Каждая сфера позволяла ему обращаться к определённым силам мироздания, сочетать их и придавать им нужную форму. Инвокер потратил годы, чтобы научиться управлять их взаимодействием без малейшей ошибки.

Он поднял Квас.

Холодная энергия растеклась по пальцам, и воздух вокруг стола стал неподвижным. Даже пыль замерла в лучах утреннего света.

Затем он призвал Векс.

Пространство вокруг сферы потемнело. Звуки удалились, словно сама комната оказалась на дне глубокого колодца.

Последним он коснулся Экзорта.

Золотистое сияние заполнило ладонь.

Три силы соединились в устойчивом узоре.

Инвокер произнёс формулу, и перед ним раскрылось видение.

Он ожидал увидеть магический след — направление, источник, хотя бы приблизительную силу воздействия. Вместо этого перед его глазами возник город.

Семь башен.

Каменные мосты.

Узкие улицы, наполненные людьми.

Квойдор.

Инвокер не бывал там много лет, но узнал город сразу. Он помнил его библиотеки, строгие правила доступа к архивам и высокомерие магов, считавших свои стены достаточной защитой от любых опасностей.

Однако теперь город выглядел иначе.

Над центральной башней висела тень, не отбрасывавшая тени на землю. Она словно находилась не в небе, а в самом изображении, заслоняя собой часть реальности.

Инвокер сосредоточился.

Он увидел под башней нечто похожее на круг, пересечённый линией. По его поверхности расходились красные трещины.

Затем изображение исчезло.

Все три сферы одновременно потускнели.

Инвокер медленно опустил руки.

Он не испугался. Страх был реакцией на неизвестность, а неизвестность он привык превращать в предмет исследования. Но впервые за долгое время ему пришлось признать: увиденное не укладывалось ни в одну из известных ему систем.

Он подошёл к книжному шкафу и достал тонкий том в потемневшем переплёте. На его корешке не было названия. Книга принадлежала к числу немногих, которые Инвокер никогда не показывал другим магам.

Внутри хранились записи о существах, чьи имена почти исчезли из мира.

Он перелистал страницы, пока не нашёл нужный рисунок.

Два круга, обращённые друг к другу.

Между ними — тонкая линия.

Под рисунком сохранилось всего одно слово:

Древние.

Инвокер долго смотрел на него.

— Этого не может быть, — произнёс он наконец.

Но голос прозвучал неубедительно.

Он знал о Древних достаточно, чтобы понимать: подобные сущности нельзя было пробудить обычным заклинанием. Если записи не лгали, их противостояние относилось к эпохе, предшествовавшей нынешнему устройству мира.

всё же след, который он только что увидел, был реальным.

Инвокер вернулся к столу и начал готовиться к дороге.

Он взял несколько книг, карты старых торговых путей, инструменты для измерения магических возмущений. Из дальнего ящика достал серебряную пластину с выгравированными рунами. Когда-то она помогла ему обнаружить разрыв пространства в заброшенной крепости.

Теперь он надеялся, что она позволит определить, насколько далеко распространилось новое возмущение.

К вечеру приготовления были закончены.

Инвокер остановился перед окном.

Снег за стеклом шёл горизонтально. Ветер ударял в башню, но не проникал внутрь. На западе, за горным хребтом, медленно темнело небо.

Он мог остаться.

Изучить записи, провести ещё несколько опытов, попытаться восстановить видение. Это было бы разумно. По крайней мере, так поступил бы любой маг, который ценил знания выше поспешных решений.

Но Инвокер слишком хорошо знал, что иногда промедление обходится дороже ошибки.

Он надел плащ и погасил свет.

Когда дверь башни закрылась за ним, в верхнем зале осталась только раскрытая книга.

На её странице вновь появились исчезнувшие слова.

Под фразой о замке и пленнике проступила новая строка:

«Не всякий, кто ищет ключ, желает открыть дверь».

Дорога на юг была длинной.

Первые два дня Инвокер шёл через горные перевалы, где встречались лишь редкие охотники и пастухи. На третий день снег уступил место мокрому камню, а затем появились леса. Там он впервые заметил странность, которую нельзя было объяснить погодой.

Птицы обходили одну долину стороной.

Они летели вдоль гор, пересекали реку и возвращались на прежний маршрут, но не приближались к небольшому участку леса, окружённому серыми скалами. Даже ветер словно огибал это место.

Инвокер остановился у старой дороги.

Он провёл пальцами по воздуху, проверяя, не установлена ли здесь иллюзия. Ничего. Затем попытался определить магический след.

Сначала не обнаружил ничего необычного.

Потом понял, что это и было необычным.

Внутри долины не существовало магического фона. Не было ни слабых колебаний стихий, ни естественных следов живых существ. Пространство оставалось пустым, как незаполненная строка в книге.

Инвокер не любил пустых строк.

Он свернул с дороги.

Лес оказался тише, чем должен был быть. Под ногами хрустели ветки, но звук быстро исчезал. Чем дальше он шёл, тем сильнее становилось ощущение, что долина не приближает его к чему-то, а удаляет от всего остального мира.

На склоне он обнаружил руины.

Они не походили на остатки человеческого поселения. Каменные стены уходили под землю, а колонны были покрыты символами, напоминавшими знаки из его старой книги. В центре разрушенного зала лежал круглый камень с глубоким расколом.

Инвокер присел рядом.

На поверхности камня сохранилась надпись. Он разобрал лишь несколько слов, но этого оказалось достаточно:

«Восемь удерживают. Один наблюдает».

— Кто наблюдает? — спросил он вслух.

— Это зависит от того, кто задаёт вопрос.

Голос прозвучал за его спиной.

Инвокер вскочил и развернулся. Рука уже потянулась к сфере Векс, но он остановил движение.

В нескольких шагах от него стоял незнакомец в дорожном плаще. Его лицо скрывал капюшон. Одежда была покрыта пылью, а на сапогах засохла грязь, словно он проделал долгий путь.

Незнакомец не выглядел воином. При нём не было заметного оружия.

Но Инвокер чувствовал исходившую от него опасность.

— Ты давно здесь? — спросил маг.

— Достаточно.

— Тогда ты знаешь, что произошло с этим местом.

— Я знаю, что оно перестало помнить, чем было.

Инвокер нахмурился.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Незнакомец приблизился к расколотому камню. Он не коснулся его, но трещина на мгновение засветилась тусклым красным светом.

Инвокер немедленно призвал Экзорт.

Свет исчез.

— Что ты сделал?

— Ничего, — ответил незнакомец. — Это место реагирует на тебя.

— Почему?

— Потому что ты ищешь то, что уже начало искать тебя.

Инвокер не любил загадок, особенно когда их произносили люди, не желавшие объяснять собственные слова.

— Назови своё имя.

Незнакомец помолчал.

— Сейчас оно тебе ничего не даст.

— Тогда назови причину, по которой ты здесь.

— Я хотел убедиться, что трещина действительно открылась.

— Какая трещина?

Незнакомец повернул голову к нему.

Под капюшоном мелькнули глаза — слишком спокойные для человека, оказавшегося среди руин, которые нарушали законы магии.

— Та, которую ты увидел над Квойдором.

Инвокер не двинулся.

Он не рассказывал никому о своём видении. Более того, он ещё не был уверен, что Квойдор действительно стал его источником.

— Кто ты?

— Тот, кто не советует тебе возвращаться в свою башню.

— Я не собирался возвращаться.

— Хорошо.

Незнакомец достал из рукава небольшой осколок зелёного стекла и положил его на камень.

— Если увидишь подобный знак ещё раз, не пытайся уничтожить его.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи существуют не для того, чтобы их разрушали. Они существуют, чтобы удерживать нечто другое.

Инвокер хотел задать следующий вопрос, но в этот миг по руинам прошла дрожь.

Камень под ногами раскололся с сухим треском. Красная линия на его поверхности расширилась, и из глубины донёсся звук, похожий на далёкий удар колокола.

Инвокер повернулся к камню.

Когда он снова посмотрел на незнакомца, тот исчез.

Ни следов, ни вспышки заклинания, ни движения воздуха.

Лишь зелёный осколок лежал на камне.

Инвокер поднял его.

Стекло оказалось холодным. На его поверхности проступил символ: восемь коротких линий, соединённых вокруг пустого центра.

Маг убрал осколок в сумку.

Теперь он знал две вещи.

Квойдор был не единственным местом, где происходило нечто необъяснимое.

И кто-то знал о происходящем гораздо больше, чем он сам.

Глава 3 Лира и молчание Селемине

Лира проснулась ещё до рассвета.

Она не вскрикнула и не попыталась сразу подняться. Несколько мгновений девушка лежала неподвижно, глядя на потолок кельи, где между каменными плитами серебрились тонкие полосы лунного света.

Сон был слишком отчётливым, чтобы исчезнуть сразу.

Она видела Луну.

Не ту, что каждую ночь поднималась над монастырём, освещая ступени и белые стены, а другую — огромную, близкую, покрытую глубокими трещинами. За её поверхностью двигалось что-то тёмное. Лира не могла разглядеть очертания, но чувствовала, что оно смотрит на неё.

Затем Луна раскололась.

Из трещин не вырвался огонь. Не пролился свет.

Наоборот, всё вокруг стало темнее, будто мир потерял часть самого себя.

А потом кто-то произнёс:

«Ты услышишь то, чего не слышат другие».

Лира села на кровати и прижала ладони к лицу.

— Просто сон, — прошептала она.

Но слова не помогли.

Она видела похожее уже трижды за последние недели. Каждый раз сон становился яснее. Сначала была только трещина. Потом — тёмное движение за ней. Теперь же Лира услышала голос.

Она не рассказывала об этом никому.

В монастыре лунного ордена подобные видения не считались чем-то необычным. Послушниц учили наблюдать за снами, записывать движения небесных светил и различать обычные страхи от тех образов, которые могли иметь значение для служителей Селемине.

Однако существовали границы между тем, что следовало изучать, и тем, о чём лучше было молчать.

Лира боялась, что её отправят в затворничество.

Ещё больше она боялась, что старшие узнают в её снах нечто знакомое.

Она оделась, накинула серый плащ и вышла в коридор.

Монастырь находился на уступе высокой скалы. С востока его защищали горы, с запада открывалась широкая долина, где в ясные дни можно было увидеть серебряную ленту реки. Белые стены казались частью самой скалы, а узкие окна были обращены к небу.

Здесь учили терпению.

Здесь не принято было задавать вопросы, на которые ещё не существовало ответов.

И здесь Селемине не произносила ни слова уже много лет.

Лира знала это с детства. Старшие говорили, что молчание богини не означало отсутствия её воли. Селемине могла говорить через свет, движение звёзд и знаки, которые понимали лишь подготовленные служители.

Но в последнее время знаки перестали приходить.

Сначала исчезли сны у старших жриц. Потом погасли несколько древних светильников в святилище. Наконец, лунный круг, который никогда не менял своего сияния, стал тускнеть по ночам.

Наставница Лиры, жрица Иара, называла это испытанием веры.

Сама Лира не была уверена.

Она вышла на внутренний двор. На камнях лежал иней, хотя ночь не была холодной. У колодца стояла старая служительница и раскладывала небольшие серебряные диски. Увидев Лиру, она подняла голову.

— Ты опять не спала.

Это прозвучало не как вопрос.

Лира остановилась.

— Мне приснилась Луна.

Служительница перестала двигать диски.

— Луна снится всем.

— Эта была расколота.

Старая женщина медленно выпрямилась.

В её лице не было испуга, но исчезло привычное спокойствие.

— Ты рассказывала об этом Иара?

— Нет.

— И правильно сделала.

Лира посмотрела на неё внимательнее.

— Почему?

Служительница собрала диски в ладонь.

— Потому что не каждый знак приходит от того, кому ты молишься.

Она произнесла это так тихо, что Лира едва расслышала.

— Тогда от кого?

Но женщина уже отвернулась.

— Иди в святилище. Сегодня тебя ждёт наставница.

Лира не стала настаивать. Она знала, что старшие не любят, когда послушницы требуют ответов. Но слова незнакомой служительницы остались с ней.

Не каждый знак приходит от того, кому ты молишься.

В святилище было холоднее, чем во дворе.

В центре зала стояла статуя Селемине — высокая фигура с закрытыми глазами и поднятой рукой. Серебряный диск над её головой изображал полную Луну. Вокруг статуи располагались восемь колонн, на каждой из которых были высечены древние символы.

Лира остановилась перед последней колонной.

Она никогда прежде не замечала, что один из символов был повреждён.

Теперь по камню проходила тонкая красная линия.

Девушка наклонилась ближе.

Трещина была совсем небольшой. Её можно было принять за обычный дефект камня. Но, когда Лира коснулась поверхности, в ладони возникло знакомое ощущение — словно кто-то находился по другую сторону стены и пытался дотянуться до неё.

Она отдёрнула руку.

— Не трогай.

Наставница Иара стояла у входа.

Лира обернулась.

Жрица была высокой, с серебряными волосами, собранными на затылке. На её лице лежали следы бессонных ночей. Последние месяцы она редко покидала святилище и почти перестала улыбаться.

— Ты видела это раньше? — спросила Иара.

— Нет.

Наставница подошла к колонне, но не прикоснулась к трещине.

— Ты слышала голос?

Лира замерла.

Она могла солгать.

Могла сказать, что ничего не слышала, что пришла сюда случайно и не знает, о чём говорит наставница.

Но взгляд Иары был слишком серьёзным.

— Во сне, — ответила Лира.

— Кто-то сказал, что я услышу то, чего не слышат другие.

Иара закрыла глаза.

На мгновение Лире показалось, что наставница молится. Но губы женщины не двигались.

— Значит, началось, — прошептала она.

— Что началось?

Иара не ответила сразу. Она подошла к алтарю и достала из небольшого ларца свёрнутую карту. На ней были обозначены горные дороги, старые храмы и несколько городов, давно исчезнувших из современных карт.

В центре карты находился Квойдор.

— Ты отправишься туда, — сказала Иара.

Лира посмотрела на неё с недоумением.

— Одна?

— Пока да.

— Но я ещё не закончила обучение. Я даже не умею…

— Ты умеешь слушать.

Лира хотела возразить, но наставница продолжила:

— В Квойдоре живёт человек, который изучал древние записи о печатях. Его называют Инвокером. Найди его и расскажи о своих снах. Не доверяй первым встречным. Не пытайся сама исследовать знаки, которых не понимаешь.

— Почему именно я?

Иара долго молчала.

За окнами медленно светлело небо. Серебряный диск над статуей Селемине оставался тусклым, словно свет исходил не от него, а от чего-то далёкого.

— Потому что остальные перестали слышать, — ответила наконец наставница.

Лира посмотрела на статую.

— А Селемине?

Впервые за всё время Иара не смогла скрыть боль.

— Я не знаю, дитя моё.

Эти слова испугали Лиру сильнее любого сна.

Она привыкла считать, что у наставницы есть ответ на каждый вопрос. Даже когда Иара запрещала говорить о чём-то, Лира верила, что запрет основан на знании, а не на страхе.

Теперь перед ней стояла женщина, которая тоже не понимала происходящего.

И, возможно, впервые за много лет молилась без уверенности, что её услышат.

К полудню Лира собрала вещи.

Ей дали дорожный плащ, немного серебра, карту и маленький амулет в форме полумесяца. Иара сказала, что амулет принадлежал одной из первых жриц монастыря, но не объяснила, почему решила отдать его именно сейчас.

Перед выходом Лира остановилась на ступенях.

Она обернулась к белым стенам, к узким окнам и к святилищу, где провела большую часть своей жизни. Ей казалось, что она должна почувствовать облегчение или страх.

Вместо этого пришло странное ощущение, будто она оставляет здесь не дом, а часть ответа, который ещё не успела найти.

На дальнем краю двора стояла старая служительница, та самая, что разговаривала с ней утром.

Женщина подняла руку и показала Лире серебряный диск.

На его поверхности был выгравирован знак круга, перечёркнутого линией.

Тот же знак, который Аурен обнаружил в архивах Квойдора.

Лира остановилась.

— Откуда он у вас?

Служительница не ответила.

Она только сжала диск в ладони.

И на мгновение Лира увидела в её глазах не старость, а усталость человека, который слишком долго ждал возвращения чего-то страшного.

— Когда доберёшься до Квойдора, — сказала женщина, — не пытайся найти все ответы сразу.

— Почему?

— Потому что иногда ответ замечает тебя раньше, чем ты замечаешь его.

Лира хотела спросить ещё, но служительница уже ушла за колонны.

Девушка спустилась по ступеням и направилась к дороге.

Она не знала, что Инвокер уже покинул свою башню.

Не знала, что в Квойдоре молодой хранитель архива пытается понять, почему древняя печать отвечает ему голосом.

И не знала, что далеко на юге король, которому оставалось жить несколько недель, уже сделал выбор, последствия которого однажды коснутся каждого из них.

Лира лишь чувствовала, что мир изменился.

А где-то за пределами видимого неба на поверхности Безумной Луны медленно расширялась красная трещина.

И впервые за долгие эпохи один из восьми стражей услышал, как его зовут по имени.

Глава 4 Дракон под чёрным снегом

На севере существовали места, которые не отмечали даже на картах путешественников.

Не потому, что дороги к ним были непроходимыми.

Не потому, что там жили чудовища или стояли армии, готовые убивать любого чужака. Причина была проще и страшнее: люди, однажды увидевшие эти земли, редко могли потом убедительно объяснить, что именно они видели.

Одни возвращались и забывали дорогу.

Другие помнили дорогу, но не могли вспомнить, зачем отправились в путь.

А некоторые не возвращались вовсе.

Одним из таких мест была Долина Чёрного Снега.

Она лежала за тремя горными хребтами, там, где каменные вершины напоминали обломанные зубы древнего великана. Солнце заглядывало в долину лишь на несколько часов в день, и даже тогда его свет не согревал землю. Снег здесь был серым у подножия скал и почти чёрным в глубоких впадинах. Он не таял весной, не исчезал под дождём и не оставлял воды, когда его удавалось растопить.

Снег помнил то, что происходило под ним.

Иногда, если ветер менял направление, из-под земли доносился глухой звук. Он напоминал дыхание огромного зверя, спящего слишком глубоко, чтобы услышать человеческий голос.

Местные племена называли его дыханием горы.

жрецы говорили иначе.

Они утверждали, что под долиной лежит дракон, которому нельзя позволить проснуться.

Они ошибались лишь в одном.

Дракон никогда не спал так крепко, как им казалось.

Слайрак лежал в каменном святилище, окружённом кольцом древних рун.

Его тело занимало почти весь зал. Тёмные чешуйчатые пластины поднимались и опускались в медленном ритме дыхания, а между ними иногда пробегали отблески внутреннего огня. Крылья были сложены вдоль боков, но даже в покое казались достаточно большими, чтобы закрыть собой небо над целым городом.

На шее дракона темнел старый шрам.

Он появился задолго до основания Квойдора, ещё в те времена, когда мир не знал привычных королевств. Слайрак получил его в сражении, о котором почти никто не помнил. Тогда он впервые увидел, как сила, призванная защищать мир, может стать причиной его гибели.

С тех пор он не любил сражений.

Это не означало, что он боялся их.

Стражи печатей не могли позволить себе страх перед противником. Но Слайрак знал: в любой войне наступает момент, когда победа перестаёт отличаться от поражения. Достаточно лишь продолжить бой на один удар сердца дольше, чем следует.

Поэтому он охранял печать.

Не ради славы. Не ради благодарности смертных. И даже не потому, что безоговорочно доверял Зету.

Он помнил мир до заключения Древних.

Помнил, как рушились горы, как моря поднимались к небу, как целые созвездия исчезали среди белого пламени. Помнил существ, которые не успели даже понять, что происходит, прежде чем их мир перестал существовать.

И он не хотел увидеть это снова.

Слайрак закрыл глаза.

В обычном мире его сон длился бы несколько часов. Здесь он мог продолжаться годами, не нарушая хода времени вокруг. Но в последнее время покой стал прерывистым.

Сначала ему снились голоса.

Потом — образы, не принадлежавшие его памяти.

Теперь он слышал удары.

Тихие, далёкие, почти неразличимые.

Будто кто-то стучал по внутренней стороне огромной двери.

Слайрак открыл глаза.

Руны на полу светились ровным голубым светом. Стены оставались целыми. Ни один из защитных кругов не был повреждён.

И всё же дракон чувствовал тревогу.

Он поднял голову и медленно вдохнул.

Воздух пах камнем, снегом и древней магией. Но среди знакомых запахов появился новый — слабый, едва уловимый, похожий на дым после пожара.

Чужая воля.

Слайрак поднялся.

Камень под его лапами застонал. Пыль посыпалась с потолка, а руны на полу вспыхнули ярче, реагируя на пробуждение стража.

Он посмотрел на центральную печать.

Она была высечена в глубине святилища, на огромной плите, уходившей в основание горы. В центре располагался символ, похожий на переплетение восьми линий. Каждая линия соответствовала одному из стражей.

Семь оставались ровными.

Восьмая дрожала.

Слайрак приблизился.

На поверхности плиты появилась тонкая красная черта.

Он замер.

— Нет, — произнёс дракон.

Его голос прокатился по залу, и с потолка осыпался снег.

Красная черта не исчезла.

Слайрак коснулся плиты когтем. Из его тела потёк золотистый огонь — не пламя разрушения, а древняя энергия, которую стражи использовали для восстановления печатей. Она обвила символ, проникла в трещину и попыталась соединить её края.

Несколько мгновений всё шло правильно.

Затем огонь погас.

Дракон отступил.

Такого не происходило прежде.

Он знал защитные формулы лучше, чем любой смертный маг мог знать собственное имя. Он участвовал в создании печати и понимал, какие силы удерживают её целостность. Если повреждение возникало извне, его можно было устранить.

Но эта трещина не была нанесена извне.

Она словно возникла изнутри самого заклинания.

Слайрак медленно повернул голову к своду святилища.

— Зет, — позвал он.

Ответа не последовало.

Он повторил зов, усилив его древней силой. Волна прокатилась сквозь гору, прошла по подземным каналам и достигла далёких границ пространства, где Зет поддерживал наблюдение за печатями.

Но связь осталась без ответа.

Слайрак почувствовал раздражение.

Зет редко молчал без причины. Если он не ответил, значит, либо не услышал, либо был занят чем-то, что считал более важным.

Дракону не понравился ни один из вариантов.

Он ещё раз посмотрел на трещину.

Красная линия теперь пульсировала едва заметно.

Слайрак мог подняться на поверхность. Мог покинуть святилище и отправиться к ближайшему из других стражей, чтобы проверить состояние остальных печатей. Но это означало оставить свою без непосредственной защиты.

Он остался.

Впервые за долгие эпохи он не был уверен, что поступает правильно.

Терроблейд появился не сразу.

Сначала в дальнем конце святилища потемнел воздух. Затем из темноты выступили очертания фигуры, похожей на высокого воина, закованного в броню, которая не отражала свет. Его силуэт был неустойчивым: края то растворялись в тени, то вновь обретали форму.

Слайрак повернулся так быстро, что удар хвоста расколол одну из колонн.

— Покажись полностью.

Фигура остановилась.

— Ты всегда был нетерпелив, Слайрак.

Голос был знаком дракону.

Он слышал его прежде — не в разговоре, а среди обрывков древних сражений. Голос принадлежал существу, которое никогда не сражалось по правилам, потому что не признавало правил обязательными.

Терроблейд.

— Ты не должен находиться здесь, — сказал Слайрак.

— А ты не должен был проснуться.

— Я не спал.

— Разумеется. Ты лишь лежал неподвижно, пока мир менялся без тебя.

Дракон расправил крылья.

В тесном святилище они коснулись стен, подняв вихрь пыли. Внутренний огонь разгорелся ярче, освещая огромные когти и ряды острых зубов.

— Уходи.

Терроблейд не отступил.

— Я пришёл не сражаться.

— Тогда ты пришёл напрасно.

— Возможно.

В этой простоте ответа было что-то неприятное. Слайрак ожидал угрозы, насмешки или попытки обойти защиту. Но Терроблейд словно не испытывал необходимости убеждать его в собственной силе.

Он просто стоял возле треснувшей печати.

И смотрел на неё.

— Ты заметил повреждение, — сказал он.

— Я исправлю его.

— Ты уже пытался.

Слайрак издал низкое рычание.

— Ещё одно слово…

— И что? Ты сожжёшь меня? — Терроблейд повернул голову. — Ты действительно думаешь, что огонь способен уничтожить то, что не имеет постоянной формы?

Дракон не ответил.

Он мог атаковать. Мог попытаться разорвать чужую проекцию, запечатать её в камне или обрушить часть святилища. Но всё это было бы бесполезно, если перед ним находилось лишь отражение Терроблейда.

И сам Терроблейд это знал.

— Чего ты хочешь? — спросил Слайрак.

— Поговорить.

— Нам не о чем говорить.

— Ты уверен?

Терроблейд медленно прошёл вдоль печати. Его фигура не оставляла следов на каменном полу.

— Ты охраняешь замок, — продолжил он. — Но знаешь ли ты, что произойдёт, если дверь никогда не откроется?

— Ничего.

— Именно так тебе и сказали.

— Я знаю, что случится, если её открыть.

— Ты знаешь, что произошло в прошлом. Но прошлое не обязано повторяться.

Слайрак сделал шаг вперёд.

— Ты предлагаешь мне поверить тебе?

— Нет. Я предлагаю тебе усомниться в тех, кому ты веришь.

Слова повисли в воздухе.

Дракон хотел немедленно отвергнуть их. Это было привычное оружие врага — посеять недоверие, заставить стража искать угрозу там, где прежде он видел порядок.

Но Терроблейд не торопился.

Он не пытался проникнуть в разум Слайрака. Не внушал ему видений. Не обещал власти.

Вместо этого он указал на печать.

— Сколько лет ты охраняешь её?

— Достаточно.

— Сколько раз Зет рассказывал тебе, что находится по ту сторону?

Слайрак не ответил.

— Сколько раз он объяснял, почему именно восемь стражей необходимы для поддержания печатей? Почему каждый из вас связан только со своей частью? Почему никто из вас не имеет права покинуть пост без его разрешения?

— Мы дали клятву.

— Клятва отвечает на вопрос, почему ты должен что-то делать. Она не отвечает на вопрос, зачем это нужно.

Слайрак почувствовал, как внутри поднимается гнев.

Не потому, что слова Терроблейда казались правдой. Скорее потому, что он не мог немедленно доказать их ложность.

Он помнил день, когда Зет призвал стражей. Помнил разрушенные миры и обещание, что печати удержат Древних. Но подробности самого заключения оставались расплывчатыми. Некоторые воспоминания словно закрывала тонкая завеса.

Тогда он не считал это важным.

Он был воином. Его задачей было охранять, а не задавать вопросы.

— Ты лжёшь, — произнёс он.

— Иногда.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Слайрак замолчал.

Терроблейд чуть наклонил голову.

— Но не всегда. И именно поэтому тебе придётся решать самому.

Дракон приблизился к печати. Красная трещина мерцала у его лап.

— Допустим, ты говоришь правду. Что ты предлагаешь?

Впервые в голосе Терроблейда прозвучало нечто похожее на интерес.

— Свободу.

Слайрак посмотрел на него.

— Мне не нужна свобода.

— Ты уверен, что знаешь, что это такое?

— Я могу покинуть эту долину.

— Но не можешь оставить свой пост.

— Потому что я дал слово.

— Значит, ты свободен уйти, но не свободен выбирать.

Слайрак расправил когти. Камень под ними треснул.

— Не смей говорить со мной так, будто знаешь меня.

— Я знаю, чего ты боишься.

— Ты ничего не знаешь.

— Ты боишься снова увидеть гибель мира. Боишься, что однажды откроешь глаза и обнаружишь, что все твои усилия были напрасны. Боишься, что твоя верность окажется причиной той самой катастрофы, которой ты пытался помешать.

Терроблейд сделал паузу.

— И ещё ты боишься, что если Зет ошибся, то ты служил ошибке дольше, чем любой другой страж.

Слайрак ударил.

Огненная волна пронеслась через святилище, поглотив фигуру Терроблейда. Каменные стены раскалились, защитные руны вспыхнули, а трещины в полу разошлись в стороны.

Когда пламя погасло, незнакомец исчез.

Слайрак тяжело дышал.

Он знал, что не уничтожил врага. Но хотя бы заставил его замолчать.

Дракон повернулся к печати.

Красная трещина стала длиннее.

Всего на несколько пальцев.

Но этого было достаточно.

Слайрак опустил голову. Впервые за долгие эпохи он ощутил не ярость и не страх, а нечто гораздо менее привычное.

Сомнение.

Он не покинул святилище в тот день.

До самой ночи Слайрак проверял каждую руну, исследовал стены и пытался обнаружить следы чужого проникновения. Он восстановил защитный круг вокруг печати, укрепил древние символы и направил в трещину новую волну энергии.

Ничего не помогло.

К полуночи дракон понял: проблема не в недостатке силы.

Печать не принимала её.

Она словно ждала чего-то другого.

Слайрак снова призвал Зета.

На этот раз ответ пришёл почти сразу.

Голос Зета прозвучал не в святилище, а непосредственно в сознании дракона. Он был далёким, словно проходил через множество слоёв пространства.

— Я слышу тебя.

— Моя печать повреждена.

Пауза.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы я не мог её восстановить.

— Ты видел кого-нибудь?

Слайрак посмотрел на тёмный проход, где стоял Террорблейд.

— Да.

На другом конце связи что-то изменилось. Не звук — скорее само присутствие Зета стало напряжённее.

— Кто?

Слайрак мог назвать имя.

Мог рассказать о разговоре, о вопросах и об обещании свободы. Он понимал, что Зет должен знать об этом.

Но почему-то вспомнил слова Террорблейда:

«Клятва отвечает на вопрос, почему ты должен что-то делать. Она не отвечает на вопрос, зачем это нужно».

— След чужой воли, — ответил он. — Больше ничего.

Зет молчал.

— Слайрак, — наконец произнёс он. — Не покидай долину. Не вступай в контакт с тем, кто пытается воздействовать на печать. И ни при каких обстоятельствах не используй собственную силу, чтобы открыть её.

— Я знаю свою обязанность.

— Тогда исполни её.

Связь оборвалась.

Слайрак остался неподвижен.

Он получил приказ, которого ожидал. И всё же теперь этот приказ звучал иначе.

Зет не спросил, что именно сказал незнакомец.

Не спросил, почему печать отказалась принять энергию.

Не спросил, что видел сам Слайрак.

Он только велел остаться на месте.

Дракон посмотрел на красную трещину.

— Я не открою дверь, — произнёс он.

Слова прозвучали твёрдо.

Но в глубине души Слайрак понимал: это ещё не ответ на вопрос, который оставил ему Террорблейд.

За пределами долины снег продолжал падать.

В ближайшем селении старый пастух вышел из дома, услышав далёкий грохот. Он посмотрел на горы и заметил, что над одной из вершин появился красный отблеск.

Пастух не знал древних имён. Не знал о печатях и Древних. Он лишь вспомнил историю, которую рассказывал его дед: если чёрный снег начинает светиться изнутри, значит, гора видит сон, от которого не сможет проснуться.

Он перекрестился по старому обычаю и закрыл дверь.

А далеко под землёй Слайрак лёг рядом с повреждённой печатью, но больше не закрыл глаз.

Теперь он знал, что враг нашёл дорогу к его святилищу.

И что страшнее всего — враг не пытался победить его.

Он пытался заставить его задуматься.

Глава 5 Король, купивший рассвет

На юге зима была мягче, но смерть пришла туда раньше, чем в горы.

В столице Империи Солнца колокола звонили каждое утро. Их звук разносился над золотыми крышами, широкими улицами и садами, в которых даже осенью сохранялись цветы. Империя славилась богатством и порядком. Её торговые караваны пересекали пустыни, её корабли достигали далёких портов, а её правители считали себя хранителями древнего договора между людьми и светом.

Однако в последние месяцы колокола звонили тише.

Никто не отдавал такого приказа. Просто звонари замечали, что звук не разносится так далеко, как прежде. В некоторых кварталах его слышали отчётливо, в других он исчезал, едва достигнув ближайшей площади.

Придворные маги объясняли это изменением ветров.

Жрецы говорили о необходимости молитв.

Король Эдрик не верил ни тем, ни другим.

Он знал, что умирает.

Сначала болезнь проявлялась лишь усталостью. Потом ему стало трудно подниматься по лестнице. Затем по утрам он начал находить на подушке тёмные пятна, похожие на следы сажи.

Целители сменяли друг друга у его постели. Они приносили редкие травы, варили настои, произносили древние заклинания. Некоторые уверяли, что король восстановится. Другие говорили осторожнее и просили дать им ещё несколько дней.

Эдрик платил всем.

Но здоровье не возвращалось.

Однажды утром он не смог поднять руку, чтобы взять кубок с водой.

В тот день он приказал закрыть двери дворца и никого не впускать без личного разрешения.

Включая Мирану.

Особенно Мирану.

Дочь короля узнала о запрете от дворцового стражника.

Она не стала спорить. Только посмотрела на него так, что молодой воин невольно выпрямился и отступил на полшага.

Мирана привыкла к тому, что люди скрывают от неё правду. Сначала это делали из уважения к наследнице престола. Позже — из страха, что она задаст слишком много вопросов.

Она научилась замечать ложь не по словам, а по тому, что люди старались не произносить.

В последние недели дворец изменился. Слуги перестали задерживаться возле королевских покоев. Придворные маги разговаривали только в закрытых комнатах. А её отец, прежде требовавший ежедневных отчётов о делах империи, теперь почти не появлялся на заседаниях.

Мирана не верила, что это обычная болезнь.

Она ждала у дверей, пока стража не сменилась. Затем прошла по боковому коридору, которым пользовались служители дворца, и вошла в покои через небольшую дверь возле зимнего сада.

Эдрик сидел у окна.

На нём была простая белая рубашка, а королевская мантия лежала на спинке кресла. Он казался старше своих лет. Волосы, прежде тёмные, почти полностью поседели, а лицо приобрело сероватый оттенок.

Но глаза оставались прежними.

— Я запретил тебя впускать, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я заметила.

— Значит, мои приказы всё ещё недостаточно хорошо исполняются.

— Или ты отдаёшь их по неправильным причинам.

Король посмотрел на дочь.

На мгновение в его глазах мелькнуло раздражение. Затем оно сменилось усталой улыбкой.

— Ты всё больше напоминаешь свою мать.

Мирана села напротив.

— Тогда расскажи мне, что происходит.

— Я болен.

— Это я вижу.

— Целители не смогли помочь.

— Это я тоже знаю.

Эдрик отвёл взгляд.

За окном лежал сад. Фонтаны были отключены, дорожки пустовали, а листья на деревьях потемнели раньше срока. В центре сада стояла солнечная чаша — древний артефакт, который, согласно преданию, был подарен первому императору самими небесами.

Теперь чаша не светилась.

— Иногда, — сказал Эдрик, — правитель должен принимать решения, которые его семья никогда не поймёт.

— Ты говоришь так, будто собираешься умереть.

Он не ответил.

Мирана почувствовала, как холодеют пальцы.

— Отец.

— Я пытался сохранить империю.

— От чего?

Эдрик посмотрел на неё так, словно хотел рассказать всё. Но слова не пришли. Он лишь поднял руку и коснулся серебряного перстня на пальце.

На камне перстня появился тёмный след.

Мирана заметила его сразу.

— Что это?

Король спрятал руку.

Слишком быстро.

И этого оказалось достаточно.

Мирана поднялась.

— Ты заключил сделку.

Эдрик закрыл глаза.

В комнате стало тихо. За стеной прошли слуги, где-то внизу хлопнула дверь. Обычные звуки дворца продолжали существовать, словно ничего не происходило.

— С кем? — спросила Мирана.

Король не ответил.

Но в зеркале за его спиной на мгновение отразилась фигура, которой не было в комнате.

Высокая, тёмная, с глазами, похожими на раскалённые угли.

Мирана резко обернулась.

Зеркало показывало лишь её собственное отражение и бледного короля у окна.

— Ты видела что-то? — спросил Эдрик.

Она посмотрела на него.

Теперь в его голосе был настоящий страх.

Не страх смерти.

Страх перед тем, что должно было прийти после неё.

— Да, — ответила Мирана. — И ты знаешь, что это было.

Эдрик сжал перстень.

Тёмная отметина на серебре стала глубже.

— Я хотел купить время, — прошептал он.

Мирана не сразу поняла смысл этих слов.

— Для чего?

Король посмотрел на дочь, и впервые она увидела в его лице не правителя, не человека, привыкшего отдавать приказы, а отца, который слишком поздно осознал цену собственного выбора.

— Для тебя.

В тот же миг за окном погас последний луч солнца.

И солнечная чаша в центре сада треснула.

Глава 6 Кузнец и голос дракона

Давион не любил грозу.

Он не боялся грома, не прятался от молний и не считал, что небесный гнев способен причинить вред человеку, который не совершил ничего дурного. Гроза раздражала его по другой причине: в такие ночи он почти всегда видел один и тот же сон.

Сон начинался с запаха дыма.

Затем появлялось пламя.

Оно не пожирало дома, не трогало деревья и не обжигало кожу. Оно просто горело посреди бесконечной темноты, будто весь мир вокруг него уже сгорел и теперь оставалось лишь это последнее пламя.

Внутри огня кто-то двигался.

Давион никогда не мог разглядеть его целиком. Иногда он видел крыло, покрытое тёмными пластинами. Иногда — огромную голову с рогами, уходящими назад. А порой пламя расступалось, и перед ним возникали глаза.

Старые.

Усталые.

Слишком разумные для зверя.

Каждый раз Давион пытался заговорить, но не мог издать ни звука.

И каждый раз голос звучал у него внутри.

Ты помнишь?

Давион просыпался прежде, чем успевал ответить.

В детстве он рассказывал об этих снах матери. Она гладила его по волосам, говорила, что это обычные ночные страхи, и оставляла возле кровати лампу. После смерти матери он перестал рассказывать кому-либо.

Не потому, что перестал бояться.

Просто он научился скрывать страх так же, как скрывают трещину в стене: замазывают её, красят поверхность и надеются, что никто не станет проверять, насколько глубоко она уходит.

В ту ночь гроза вернулась.

И на этот раз Давион услышал голос ещё до того, как заснул.

Кузница находилась на окраине небольшого поселения, через которое проходила старая дорога на север. Дома здесь строили из тёмного дерева, крыши укрепляли камнем, а окна закрывали ставнями, когда с гор приходил ветер.

Поселение не имело собственного названия на королевских картах. В документах его обозначали как дорожный пост, хотя здесь жили семьи, работали мастера и существовал рынок, куда дважды в неделю приезжали торговцы.

Для Давиона этого было достаточно.

Он не стремился к славе. Не мечтал о замках, рыцарских орденах и золотых доспехах. Ему нравилась работа, результат которой можно было увидеть и потрогать.

Клинок получился острым — значит, он хорошо справился.

Подкова выдержала дорогу — значит, лошадь не пострадает.

Петли на воротах не скрипят — значит, кто-то сможет спокойно войти в собственный дом.

Давион считал это более честным делом, чем разговоры о чести.

В то утро он чинил сломанный топор лесоруба. За дверью шумел дождь, а кузнечный огонь горел необычно тускло. Давион уже дважды подбрасывал уголь, но пламя будто не желало разгораться.

Он нахмурился и проверил заслонку.

Всё было исправно.

Тогда он взял меха и качнул их несколько раз.

Огонь поднялся, осветив стены.

На мгновение среди обычного оранжевого пламени возникла узкая полоса белого света.

Давион замер.

Он видел такое прежде — во сне.

Но здесь огонь не исчезал. Белая полоса двигалась по углям, повторяя очертания длинного когтя.

Давион отступил.

Пламя вернулось к обычному цвету.

— Надо меньше работать по ночам, — сказал он самому себе.

— И больше спать, — раздался голос из дверей. — Тогда, может, перестанешь разговаривать с печью.

На пороге стоял старый кузнец Бренн, которому принадлежала мастерская. Давион работал у него уже шестой год. Бренн был широкоплечим, хромал на левую ногу и обладал редким талантом замечать неприятности задолго до того, как они становились очевидными.

— Печь сегодня чудит, — ответил Давион.

— Печь чудит каждый раз, когда ты не выспался.

Бренн подошёл ближе, осмотрел угли и сплюнул на каменный пол.

— Дрова сырые. Вот и вся магия.

Давион не стал спорить.

Старик снял с полки металлическую заготовку и положил её на верстак.

— Отнеси это к себе.

— Что это?

— Старый меч. Нашёл в сарае за мешками угля. Хотел выбросить, да рука не поднялась.

Клинок был длинным, тяжёлым и покрытым ржавчиной. Его рукоять обмотали кожей, давно затвердевшей от времени. На гарде сохранился странный узор: две линии, сходившиеся вокруг маленького круга.

Давион провёл пальцем по металлу.

— Это не местная работа.

— С чего взял?

— Слишком толстая спинка. Рукоять рассчитана на другую хватку. Да и гарда… Смотри.

Он повернул меч к свету.

На металле проступали неглубокие символы. Они почти исчезли под ржавчиной, но были вырезаны с такой точностью, что даже время не смогло полностью их уничтожить.

Бренн нахмурился.

— Значит, старьё из чужих земель. Отнеси в дальний ящик. Может, когда-нибудь пригодится как лом.

Давион поднял меч.

И в тот же миг кузница исчезла.

Не растворилась постепенно, не потемнела. Она словно была вырвана из мира и заменена другим местом.

Давион стоял на чёрном камне.

Перед ним лежала долина, покрытая снегом. Из земли торчали обломки огромных колонн. Вдалеке поднимались горы, а над ними висело небо цвета пепла.

В центре долины находился дракон.

Он был ранен.

Чёрная кровь стекала между пластинами чешуи, а одно крыло волочилось по камню. Вокруг него горели руины, и среди дыма двигались тени, слишком многочисленные, чтобы пересчитать их.

Давион попытался шагнуть вперёд.

Его ноги не двигались.

Дракон поднял голову.

И посмотрел прямо на него.

Не позволяй им открыть дверь.

Голос прозвучал в голове Давиона так ясно, будто эти слова были произнесены его собственными мыслями.

Затем дракон ударил хвостом по камню.

Мир раскололся.

Давион снова оказался в кузнице. Меч выпал из его рук и ударился о пол. Бренн схватил его за плечо.

— Ты что, решил умереть стоя?

Давион тяжело дышал.

— Ты видел?

— Что именно?

— Долину. Снег. Дракона.

Бренн отпустил его.

На лице старика появилось выражение, которое Давион прежде видел лишь однажды — в день, когда к поселению пришли солдаты и сообщили о смерти его матери.

— Убирай меч, — тихо сказал Бренн.

— Ты знаешь, что это?

— Я знаю, что не всякая старая вещь должна находиться у нас в доме.

— Но ты сам принёс его сюда.

— И теперь жалею.

Давион посмотрел на клинок.

Ржавчина всё ещё покрывала его поверхность. Никаких следов белого света не осталось.

Но он знал, что увиденное было реальным.

— Я хочу знать, откуда он.

Бренн покачал головой.

— Иногда незнание спасает жизнь.

— А иногда убивает.

Старик долго смотрел на него.

— Ты похож на своего отца, когда говоришь так.

Давион замер.

Отец исчез из его жизни, когда Давион был ещё ребёнком. Не умер на войне, не погиб в дороге — просто однажды ушёл и не вернулся. Мать редко говорила о нём, а когда Давион подрос, отказалась отвечать на вопросы.

Он давно решил, что отец был обычным трусом.

— Ты его знал? — спросил Давион.

Бренн отвёл взгляд.

— Немного.

— Почему ты никогда не рассказывал?

— Потому что твоя мать просила не рассказывать.

— Что именно?

Старик поднял сломанный топор, который Давион должен был чинить, и положил его обратно на верстак.

— Не сейчас.

Это был ответ, который Давион ненавидел больше любого отказа.

Он хотел потребовать объяснений, но заметил, как дрожат руки Бренна. Старик не боялся его. Он боялся чего-то, что находилось за пределами кузницы и, возможно, за пределами мира, который Давион знал.

Поэтому Давион промолчал.

Впервые за долгое время он понял, что его детские сны могли принадлежать не только ему.

Вечером буря усилилась.

Ветер гнал дождь по крышам, а в окнах дрожали отражения ламп. Большинство жителей закрылись в домах. На улице остались лишь двое стражников, укрывшихся под навесом у колодца.

Давион не мог уснуть.

Меч лежал на столе, завёрнутый в грубую ткань. Он несколько раз пытался отнести его обратно в сарай, но каждый раз останавливался у двери. Ему казалось, что стоит оставить клинок в темноте — и что-то произойдёт.

Он развернул ткань.

Ржавый металл выглядел ещё более невзрачным при свете лампы.

— Кто ты? — спросил Давион.

Ответа не последовало.

Он почувствовал себя глупо и уже собирался убрать меч, когда в окно ударила молния.

На одно короткое мгновение символы на клинке засветились.

Давион увидел их ясно.

Это были не буквы. Скорее части одного знака, который он не мог понять, но почему-то узнавал. Он провёл пальцами по гарде.

Металл оказался тёплым.

Затем меч заговорил.

Не голосом человека.

Глубоким, далёким звуком, похожим на раскат грома, проходящий через толщу земли.

Ты снова здесь.

Давион отдёрнул руку.

— Кто ты?

Ты задаёшь неправильный вопрос.

— Тогда скажи, какой правильный!

Тишина.

За окном гремела гроза.

Давион поднял меч обеими руками. Он ожидал, что клинок окажется тяжёлым, но металл неожиданно легко лёг в ладони, словно был изготовлен именно для него.

Что ты помнишь? — спросил голос.

Давион стиснул зубы.

— Я ничего не помню.

Это не значит, что ты забыл.

Белый свет пробежал по клинку от рукояти к острию.

Ржавчина начала осыпаться.

Не от жара, не от трения — она исчезала, словно время отступало от металла. Под ней обнаружилась тёмная поверхность с тонкими золотистыми прожилками.

Давион выронил меч.

Клинок ударился о пол, и свет погас.

Он стоял неподвижно, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

Теперь у него было два выбора.

Он мог завернуть меч в ткань, спрятать его и сделать вид, что ничего не произошло. Мог дождаться утра, отнести клинок Бренну и потребовать, чтобы тот избавился от него навсегда.

Или мог попытаться выяснить, почему древнее оружие знает его голос.

Давион не был магом. Не был рыцарем. Не состоял ни в одном ордене.

Он был кузнецом.

И всё же он поднял меч.

— Если ты знаешь меня, — сказал он, — докажи.

На этот раз голос ответил сразу.

Найди долину.

Давион почувствовал, как холодеет кожа.

— Какую долину?

Ту, где снег помнит кровь.

В ту же секунду за окном раздался грохот.

Давион бросился к двери.

На улице, среди дождя, стоял незнакомец.

Он был одет в простой серый плащ. Вода стекала с его плеч, но сам он не двигался. Лицо скрывала тень, хотя рядом горел фонарь.

Давион схватил меч.

— Кто ты?

Незнакомец поднял голову.

— Человек, который пришёл предупредить тебя.

— О чём?

— Не отправляйся на север.

Давион крепче сжал рукоять.

— Почему?

— Потому что там тебя ждёт то, чего ты не сможешь победить.

— Тогда мне тем более нужно туда.

Незнакомец долго молчал.

— Именно так рассуждают те, кто становится причиной чужой гибели.

— Ты меня не знаешь.

— Я знаю, что ты слышал голос.

Давион шагнул вперёд.

— Какой голос?

— Не заставляй меня повторять.

Незнакомец повернулся к дороге.

— Если хочешь прожить долгую жизнь, забудь о мече. Если хочешь узнать правду, приготовься потерять то, что считаешь собой.

— Подожди!

Но фигура уже уходила в темноту.

Давион бросился следом, однако на дороге никого не оказалось. Только дождь стучал по камням, а ветер гнал по земле опавшие листья.

Он вернулся в кузницу.

Меч лежал на столе.

Теперь его поверхность была чистой.

И на гарде отчётливо виднелся символ восьми линий, соединённых вокруг пустого центра.

Утром Давион пришёл к Бренну.

Старик уже работал у горна, хотя ночь почти не спал. Он поднял глаза, увидел меч в руках Давиона и медленно положил молот на наковальню.

— Значит, ты всё-таки решил.

— Я отправляюсь на север.

Бренн закрыл глаза.

— Я надеялся, что у тебя хватит ума остаться.

— Ты знал о мече. Знал о моём отце. И, похоже, знаешь, что находится на севере. Я не уйду, пока не услышу правду.

— А если правда окажется хуже лжи?

— Тогда хотя бы буду знать, с чем имею дело.

Старик некоторое время молчал, потом направился к дальнему шкафу. Он достал оттуда небольшой кожаный мешочек и бросил его Давиону.

Внутри оказались несколько монет, кремень, игла, моток прочной нити и старый медный жетон.

— Твой отец оставил это перед уходом, — сказал Бренн. — Я хранил мешочек много лет. Не потому, что обещал ему. Потому что твоя мать попросила.

Давион достал жетон.

На одной стороне был изображён дракон.

На другой — горная долина, перечёркнутая тонкой линией.

— Кто был мой отец?

— Человек, который однажды тоже услышал голос.

— И что с ним случилось?

Бренн посмотрел на огонь.

— Он ушёл искать источник этого голоса. Я больше его не видел.

Давион сжал жетон.

— Почему мать ничего не сказала?

— Она хотела, чтобы ты жил обычной жизнью.

— Но теперь уже поздно.

— Нет, мальчик. Поздно будет тогда, когда ты перестанешь иметь возможность выбирать.

Бренн подошёл к нему и положил руку на плечо.

— Послушай меня. Я не знаю, что происходит. Не знаю, кто говорит с тобой через этот меч. Но я знаю одно: если кто-то обещает тебе ответы, не отдавай ему за них собственную волю.

Давион вспомнил незнакомца под дождём.

Приготовься потерять то, что считаешь собой.

Он кивнул.

— Я постараюсь.

— Нет. Ты должен помнить.

Давион собрал вещи и вышел из кузницы.

На востоке занимался рассвет. Небо было серым, а над далёкими горами висли тяжёлые облака. Он направился к северной дороге, не зная, сколько времени займёт путь и что именно он найдёт в конце.

За его спиной Бренн долго стоял у открытой двери.

Когда фигура Давиона скрылась за поворотом, старик вернулся к горну и открыл нижний ящик, который не трогал много лет.

Внутри лежала старая записка.

Бумага пожелтела, чернила выцвели, но последние слова оставались различимыми:

«Если мальчик услышит дракона, не пытайся удержать его. Но если дракон заговорит с ним человеческим голосом — беги».

Бренн перечитал строку.

Затем сжёг записку.
Он не знал, почему вспомнил её именно сейчас.
Но когда бумага превратилась в пепел, огонь в горне на мгновение стал белым.

Глава 7 Те, кто помнит камень

Зет не любил смотреть на мир глазами смертных.

И дело было не в том, что смертные видели слишком мало. Напротив, порой они замечали детали, которые ускользали даже от существ, наблюдавших за мирозданием с самого начала.

Но смертное зрение было привязано к мгновению.

Человек видел, как падает камень, и не замечал, что этот камень начал падать задолго до рождения его предков. Он видел, как умирает звезда, и не мог представить, сколько миров зависело от её света. Он смотрел на трещину в стене и не знал, что иногда подобная трещина проходит через само устройство пространства.

Зет видел иначе.

Для него мир представлял собой бесконечную сеть причин, последствий и возможностей. Каждое событие оставляло след. Каждое решение меняло направление множества других событий. Даже молчание могло стать причиной катастрофы, если его выбирали в неправильный момент.

И теперь в этой сети возникали пустоты.

Одна появилась над Квойдором.

Другая — в Долине Чёрного Снега.

Третья медленно распространялась по южным землям, начиная с дворца Империи Солнца.

Зет наблюдал за ними и не мог определить, какая из них опаснее.

Он находился за пределами привычного пространства, в месте, которое не имело ни стен, ни пола, ни потолка. Вокруг него двигались световые структуры — сложные узоры, отражавшие состояние печатей. Восемь линий удерживали равновесие. Каждая была связана с одним из стражей.

Одна из линий теперь пульсировала красным.

Зет протянул руку.

Его пальцы коснулись узора, и перед ним возник образ Слайрака, стоящего возле повреждённой плиты.

Дракон не двигался.

Но Зет чувствовал его сомнение.

Это беспокоило его больше самой трещины.

— Ты не должен был прийти к нему, — произнёс Зет.

Он обращался не к Слайраку.

Он обращался к тому, кто наблюдал из-за пределов узора.

Ответ пришёл не сразу.

— Ты всегда считал, что молчание способно удержать мир.

Голос Элдер Титана звучал тяжело, словно каждое слово проходило через толщу камня.

— Иногда оно удерживает, — ответил Зет.

— А иногда лишь позволяет лжи жить дольше.

Зет повернулся.

Элдер Титан стоял неподалёку. Его огромная фигура казалась частью самого пространства. В очертаниях тела угадывались следы древнего созидания: он был не просто существом, пришедшим из другого мира, но одним из тех, кто понимал устройство материи на уровне, недоступном даже великим магам.

Он смотрел на световые линии.

— Три возмущения, — сказал он. — И все связаны с печатями.

— Пока мы не можем утверждать, что все три вызваны одной причиной.

— Ты пытаешься убедить меня или себя?

Зет не ответил.

Элдер Титан приблизился к одной из линий. Вокруг его пальцев возникли крошечные искры, и на мгновение световая структура показала иной образ: древний город, разрушенный до основания, и огромную Луну над ним.

— Ты помнишь, как создавалась темница? — спросил он.

— Я помню всё, что необходимо помнить.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать.

Элдер Титан посмотрел на него.

— Тогда ты уже начал совершать ту же ошибку, что и прежде.

В пространстве стало тихо.

Зет не любил, когда ему напоминали о прошлом. Не потому, что стыдился своих решений. Он принимал последствия собственных действий и не пытался переложить ответственность на других.

Но существовали события, которые нельзя было исправить, не разрушив то, что возникло после них.

— Если мы расскажем смертным всё, — произнёс он, — они попытаются вмешаться.

— Возможно.

— Они откроют печати, не понимая последствий.

— Возможно.

— Они станут оружием в руках Террорблейда.

Элдер Титан медленно повернул голову.

— А если мы ничего им не расскажем, они всё равно станут оружием. Только не будут знать, кто держит рукоять.

Зет отвернулся.

Он видел множество вариантов будущего. В одних смертные оставались в неведении и погибали, когда печати разрушались. В других они узнавали правду слишком рано и своими действиями ускоряли катастрофу. В третьих отдельные герои находили способ повлиять на исход событий.

Но ни один вариант не был устойчивым.

— Ты предлагаешь довериться им? — спросил Зет.

— Нет. Я предлагаю перестать считать их инструментами.

— Они не способны понять масштаб происходящего.

— Пока не способны.

Элдер Титан указал на одну из линий.

— Посмотри на неё.

Зет проследил за его жестом.

Линия, связанная с Слайраком, стала немного ярче, а затем вновь потускнела.

— Он сомневается, — сказал Элдер Титан.

— Его долг не изменился.

— Но изменилось его понимание долга.

— Это опасно.

— Для тебя — возможно.

Зет резко повернулся.

— Если страж покинет пост, печать ослабнет.

— Если страж останется, но перестанет верить в смысл своего поста, печать тоже ослабнет.

Слова Элдер Титана прозвучали спокойно. Он не обвинял Зета. Не пытался победить его в споре.

Он просто называл то, что видел.

И Зет знал, что это правда.

Элдер Титан помнил создание миров иначе, чем Зет.

Он помнил не только их устройство, но и цену, которую приходилось платить за каждую ошибку. В древние эпохи он видел, как целые реальности рождались из хаоса, приобретали форму, а затем разрушались под тяжестью несовместимых законов.

Он знал: порядок нельзя навязать навсегда.

Любая система, лишённая возможности изменяться, однажды превращается в собственную тюрьму.

Но это не означало, что всякая перемена полезна.

Иногда мир нуждался в защите от самого себя.

— Я не предлагаю открыть печати, — сказал Элдер Титан. — Я не предлагаю освободить Древних. Я лишь говорю, что мы должны позволить смертным увидеть часть истины.

— Какую именно часть?

— Достаточную, чтобы они могли сделать выбор.

Зет долго молчал.

Перед ним возникло изображение Квойдора. Аурен стоял в архиве, окружённый книгами. На столе лежала рукопись с красной трещиной. Юноша смотрел на неё так, словно пытался решить, стоит ли рассказать кому-нибудь о случившемся.

Зет видел, как множество возможных решений расходится от этого мгновения.

Если Аурен промолчит, он останется жив и сохранит привычный порядок своей жизни — на некоторое время.

Если расскажет старшим, его могут обвинить в нарушении правил.

Если начнёт собственное расследование, он рискует привлечь внимание тех, кто уже ищет печати.

Но среди вариантов был ещё один.

Аурен мог сделать ошибку, которая неожиданно спасёт чью-то жизнь.

Зет отвёл взгляд.

— Ты хочешь, чтобы я позволил им действовать.

— Я хочу, чтобы ты перестал решать за них всё заранее.

— И если их выбор приведёт к гибели мира?

Элдер Титан не ответил сразу.

— Тогда ответственность будет принадлежать и им, и нам. Но если мы лишим их выбора, мы уже сейчас решим, что их жизни не имеют значения.

Эти слова коснулись чего-то, что Зет старался не тревожить.

Он помнил смертных, живших до заключения Древних. Помнил тех, кто пытался бежать, тех, кто молился, и тех, кто до последнего защищал близких, хотя не понимал, почему небо рушится над их головами.

И помнил, что не смог спасти всех.

С тех пор он предпочитал решения, в которых можно было уменьшить количество неизвестных.

Но мир не был уравнением.

И люди не были числами.

Внезапно одна из линий вспыхнула.

Не красным.

Золотым.

Зет поднял голову.

На световой поверхности возникло изображение кузницы. Молодой человек держал в руках старый меч. По клинку пробегал слабый свет, а за его спиной стоял силуэт огромного дракона.

— Кто он? — спросил Элдер Титан.

— Давион.

— Он связан со Слайраком?

— Я не знаю.

Элдер Титан внимательно посмотрел на образ.

— Ты слишком часто говоришь это в последнее время.

— Потому что происходящее перестало подчиняться известным мне закономерностям.

— Или потому, что ты наконец заметил, что не владеешь всеми ответами.

Зет не стал спорить.

Он приблизил изображение. Меч в руках Давиона на мгновение засветился ярче, и восемь линий вокруг пустого центра проявились на гарде.

Тот же символ находился на печатях.

Но существовало отличие: в центре знака у Давиона не было пустоты.

Там проступала тонкая золотая точка.

Элдер Титан заметил её одновременно с Зетом.

— Это не должно было произойти, — сказал он.

— Нет.

— Ты знаешь, что означает этот знак?

Зет молчал.

Впервые за долгое время он смотрел на изображение не как на часть возможного будущего, а как на загадку, которая могла изменить его представление о прошлом.

Золотая точка исчезла.

Связь с кузницей оборвалась.

— Нужно найти его, — произнёс Элдер Титан.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если мы придём к нему сейчас, то превратим его в участника войны, которой он ещё не понимает.

— Он уже участник.

— Тогда пусть хотя бы сам решит, кем станет.

Элдер Титан долго смотрел на Зета.

Затем медленно кивнул.

— Возможно, ты всё-таки чему-то научился.

— Не испытывай моё терпение.

— Я и не собирался.

На этот раз в голосе Элдер Титана прозвучало нечто похожее на улыбку.

Но она быстро исчезла.

Обе древние сущности повернулись к восьми линиям.

Теперь красным светились две.

Одна была связана со Слайраком.

Вторая — с печатью, которую Зет не мог увидеть целиком.

Она находилась слишком далеко, за пределами доступного ему наблюдения.

И рядом с ней не было ни одного из восьми стражей.

Когда Элдер Титан ушёл, Зет остался один.

Он мог продолжить наблюдение за печатями. Мог усилить защитные структуры и попытаться изолировать повреждённые участки от остальной системы. Мог предупредить остальных стражей, чтобы они не покидали своих постов.

Вместо этого он открыл ещё один путь.

Не к печати.

Не к Слайраку.

К смертному миру.

Он не собирался говорить с людьми напрямую. Не собирался раскрывать им правду или направлять их действия. Но впервые за многие эпохи Зет позволил одному из древних знаков проявиться там, где его могли увидеть.

На каменной стене заброшенного храма возникла тонкая серебряная линия.

Она не светилась.

Не издавала звуков.

Просто существовала.

Зет смотрел на неё, пока знак не исчез.

— Выбирайте, — прошептал он.

Он не знал, услышал ли его кто-нибудь.

Но впервые за долгие эпохи не стал проверять.

В ту же ночь в Квойдоре Аурен проснулся от тихого стука в окно.

В северной дороге Давион остановился у костра, потому что услышал голос дракона.

В монастыре Лира увидела во сне серебряную линию, соединявшую восемь далёких огней.

А в Долине Чёрного Снега Слайрак впервые за много лет уснул — и увидел мир, который существовал до заключения Древних.

Во сне он стоял перед Зетом.

Но Зет был не один.

За его спиной находилась дверь.

И по ту сторону кто-то плакал.

Глава 8 Тот, кто пришёл после смерти

Смерть короля не остановила дворец.

На следующее утро слуги продолжали зажигать светильники в коридорах, стражники сменяли друг друга у ворот, а придворные собирались в залах, где ещё вчера обсуждали распоряжения Эдрика. Только теперь никто не решался садиться на его место.

Трон оставался пустым.

И всё же в южном королевстве было ощущение, что король не ушёл окончательно.

Не его дух. Не проклятие, о котором шептались суеверные слуги. Что-то другое — будто сама смерть Эдрика оставила незавершённым дело, которое он начал задолго до последнего вздоха.

Мирана уже покинула дворец. Её отсутствие заметили не сразу: в первые часы после смерти короля каждый был занят собой, собственной безопасностью и вопросом, кто теперь станет управлять страной.

Но к полудню по дворцу разнеслась весть: принцесса уехала, не оставив ни приказа, ни объяснения.

Советники потребовали отправить за ней отряд.

Начальник стражи отказался.

— Если она пожелала уйти тайно, — сказал он, — значит, не хотела, чтобы её нашли.

— Она наследница престола! — возмутился один из советников.

— Именно поэтому я не отправлю людей, которые могут вернуть её сюда силой.

Спор продолжался недолго. Не потому, что советники согласились, а потому, что в этот момент во всех зеркалах зала погасли отражения.

На мгновение серебряные поверхности стали чёрными.

Затем отражения вернулись.

Все, кроме одного.

Зеркало за троном по-прежнему показывало пустой зал. В его глубине виднелась фигура человека, стоявшего за спинами советников.

Никто не видел его в самом помещении.

Один из придворных обернулся — и столкнулся с пустотой.

— Кто-нибудь ещё это видел? — спросил он.

Никто не ответил.

В зеркале незнакомец медленно поднял руку и коснулся поверхности изнутри.

По стеклу пробежала тонкая красная трещина.

А потом из зеркала донёсся голос:

— Король заплатил за время. Но время никогда не принадлежало ему.

Зеркало рассыпалось.

Не упало на пол, не разбилось на осколки — просто исчезло, оставив за собой чёрную раму.

На следующий день советники приказали снять все зеркала во дворце.

Но было уже поздно.

Терроблейд получил то, ради чего ждал смерти Эдрика: не душу короля, не его корону и даже не власть над южными землями.

Он получил последнее слово человека, который заключил с ним сделку.

И теперь это слово могло открыть путь туда, куда не достигала ни одна из восьми печатей.

Глава 9 Башня, которой не было

Аурен шёл за незнакомцем уже почти час.

Они спустились по лестнице, которой архивариус прежде не видел, хотя знал Квойдор лучше многих старших хранителей. За каменной дверью оказался узкий проход, уходивший в глубину башни. На стенах не было факелов. Свет исходил из самих камней — слабый, серый, будто здесь давно забыли о существовании солнца.

Наконец проход закончился.

Перед Ауреном открылась круглая комната.

Посреди неё стоял стол. На столе лежала карта Квойдора.

Но это была не карта города, который Аурен знал.

На ней было девять башен.

Он пересчитал их. Семь внешних, центральная и ещё одна — крошечная, обозначенная под городом.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Для нынешнего Квойдора — да, — ответил незнакомец.

— Здесь восемь башен над землёй и одна под ней. Но Квойдор построен вокруг семи.

— Ты знаешь, сколько башен видишь. Но знаешь ли, сколько башен помнишь?

Аурен поднял взгляд.

— Я не понимаю.

— Именно поэтому ты ещё жив.

Незнакомец снял перчатку. Его рука выглядела обыкновенной, но на ладони проступали тонкие линии, складывавшиеся в тот же знак, что Аурен видел на древних страницах: круг, перечёркнутый линией.

— Этот знак, — сказал Аурен, — что он означает?

— Когда-то он означал границу. Потом стал предупреждением. А после того, как люди забыли, что именно охраняют, превратился в символ запрета.

— Кто забыл?

— Все, кто считал, что знание принадлежит им.

Аурен вспомнил исчезнувшие страницы, запретный нижний уровень и голос за дверью, который знал его имя.

— Вы были там? Внизу?

Незнакомец не ответил сразу.

— Я был там до того, как там появился низ.

Аурен отступил на шаг.

— Вы не человек.

— А ты уверен, что это важно?

— Для меня — да.

— Тогда тебе придётся научиться жить с ответами, которые ничего не объясняют.

Незнакомец наклонился над картой и указал на крошечную башню под городом.

— Сердце Безмолвия — не хранилище. Оно не содержит древнюю силу, как ты думаешь. Оно удерживает отсутствие.

— Отсутствие чего?

— Того, что было вычеркнуто из мира.

Аурен посмотрел на карту. Маленькая башня под землёй казалась почти незаметной. Вокруг неё не было дорог, лестниц или тоннелей. Она находилась словно вне самой схемы города.

— Почему я слышу голос за дверью?

— Потому что ты заметил, что текст исчез. Остальные увидели пустую страницу и решили, что она испорчена. Ты увидел пустоту и спросил, что она скрывает.

— И теперь я должен открыть дверь?

— Нет.

Ответ прозвучал так резко, что Аурен замолчал.

— Ты должен понять, почему кто-то хочет, чтобы ты её открыл.

Незнакомец коснулся карты. На ней вспыхнули восемь тонких линий. Они тянулись от Квойдора в разные стороны, но не совпадали с дорогами, реками или границами королевств.

Одна линия уходила к северу.

Другая — к лунному монастырю.

Третья — к южному дворцу.

Остальные исчезали за краями карты.

— Это люди? — спросил Аурен.

— Это следы.

— Чьи?

— Тех, кто уже коснулся того, чего не понимает.

Аурен заметил, что одна из линий мерцает слабее остальных.

— А эта?

Незнакомец убрал руку.

— Эта скоро исчезнет.

— Что тогда произойдёт?

— Кто-то забудет, зачем он вообще отправился в путь.

— И вы позволите этому случиться?

— Я не позволял случиться и тому, что уже случилось.

Впервые в голосе незнакомца прозвучала усталость.

Аурен хотел задать ещё один вопрос, но в этот момент под ногами дрогнул камень. На карте красным вспыхнула линия, ведущая к югу.

Незнакомец резко выпрямился.

— Что это было? — спросил Аурен.

— Последнее слово короля.

— Эдрик мёртв?

— Да.

Аурен не знал, откуда незнакомец мог знать об этом так быстро. Но его тревожило другое: красная линия от южного дворца не просто соединялась с Квойдором.

Она пересекала все остальные линии.

И в точке пересечения появлялся новый знак.

Не круг. Не ключ.

Открытый глаз.

Незнакомец впервые отступил от стола.

— Значит, он услышал, — произнёс он.

— Кто?

Но незнакомец уже направлялся к выходу.

— Запомни, Аурен. Если однажды тебе предложат вернуть то, чего ты никогда не терял, не соглашайся.

— Почему?

Человек остановился у двери.

— Потому что именно так он находит тех, кто ему нужен.

Дверь закрылась.

Аурен остался один перед картой, которая продолжала меняться.

И только теперь он понял: всё это время он искал не тайну Сердца Безмолвия. Тайна искала его.

Глава 10 Голос, который не принадлежал дракону

На севере Давион впервые за несколько дней услышал тишину.

Ветер исчез. Снег перестал падать. Даже его собственные шаги не отдавались привычным хрустом.

Он стоял на склоне, с которого открывалась долина, покрытая чёрным снегом.

Внизу возвышались скалы. Между ними тянулась узкая тропа, уходившая к ледяному уступу. За уступом виднелась стена, которую невозможно было принять за естественное образование: слишком ровная, слишком высокая, слишком гладкая для горного камня.

Давион узнал место с первого взгляда.

Он видел его во сне.

Только во сне стена была расколота огнём, а за ней двигалась огромная тень.

Давион вытащил меч.

Символ на клинке засветился золотым светом. В ответ где-то в глубине долины прозвучал низкий гул.

Затем он услышал голос.

— Не приближайся.

Давион замер.

Это был не голос дракона из его снов. Тот звучал глубоко, словно рёв, проходящий через горы. Этот голос был человеческим — спокойным, усталым и почему-то знакомым.

— Кто здесь? — крикнул Давион.

— Тот, кто однажды уже не послушал предупреждения.

— Ты знаешь моего отца?

Тишина.

Давион сделал шаг вперёд.

— Я ищу его.

— Нет. Ты ищешь объяснение тому, почему он ушёл.

— Это одно и то же.

— Нет.

Голос стал ближе, хотя на склоне по-прежнему никого не было.

— Человек может уйти, потому что ищет правду. А может — потому что боится того, что уже узнал.

Давион сжал рукоять меча.

— Ты хочешь сказать, что мой отец испугался?

— Я хочу сказать, что ты пока не знаешь, каким человеком он был.

Эти слова задели сильнее, чем Давион ожидал.

— Тогда покажись!

На мгновение в воздухе возник силуэт. Высокая фигура в старой броне, с лицом, скрытым тенью. На груди виднелся знак дракона, обвившего гору.

Тот же знак, что был на жетоне отца.

Давион бросился к фигуре.

Но она исчезла, прежде чем он успел сделать второй шаг.

Вместо неё на снегу остался небольшой металлический предмет.

Давион поднял его. Это была половина старой печати. На поверхности виднелись следы огня, а по краю шли восемь насечек.

Одна из них была стёрта.

Как будто кто-то намеренно удалил её, пытаясь скрыть, что печатей когда-то было не семь и не восемь, а больше.

Из глубины долины донёсся новый звук.

Рёв.

На этот раз настоящий.

Давион посмотрел на стену. В её центре медленно проступила трещина, похожая на вертикальный разрез. За ней вспыхнуло красное сияние.

И из-за стены раздались слова, от которых кровь застыла в жилах:

— Давион. Не слушай того, кто говорит моим голосом.

Он узнал голос.

Это был дракон из его снов.

Но теперь Давион больше не знал, кому верить: существу, которое звало его во сне, или невидимому человеку, который знал его отца.

Он посмотрел на меч.

Золотой свет погас.

А на металле проступили новые слова:

«Первый выбор уже сделан».

Давион не понимал, что это значит.

Но впервые за всю дорогу он испугался не того, что ждёт впереди.

Он испугался, что решение, которое он считал своим, кто-то принял за него задолго до его рождения.

Глава 11 Цена имени

Девушка с королевской печатью

Дорога на север оказалась длиннее, чем рассчитывала Мирана.

Она покинула дворец налегке, взяв только дорожную одежду, лук, несколько серебряных монет и кольцо отца. Последнее она завернула в кусок ткани и спрятала на дне сумки. Даже сквозь ткань металл иногда становился тёплым, словно рядом с ним находился источник огня.

Мирана старалась не думать о том, что услышала в последние минуты жизни Эдрика.

Не проси вернуть то, что он забрал.

Она не знала, что именно забрали у отца. Его здоровье? Годы жизни? Что-то, о чём он не мог рассказать даже собственной дочери?

И почему незнакомец, заключивший с ним сделку, оставил короля умирать именно сейчас?

На второй день пути Мирана остановилась в небольшом придорожном поселении. Здесь не было ни королевских стражников, ни богатых торговцев. Несколько домов, кузница, конюшня и трактир, над дверью которого висела выцветшая деревянная табличка.

Она привязала лошадь и вошла внутрь.

Разговоры за столами стихли лишь на мгновение, когда незнакомая путешественница пересекла зал. Потом люди вернулись к своим делам. Мирана заказала горячую еду и села у стены, откуда могла видеть вход.

За соседним столом двое мужчин спорили о смерти короля.

— Говорят, его убили, — произнёс один.

— Говорят, он был проклят, — возразил второй.

— А я слышал, что он сам отдал свою жизнь за принцессу.

Мирана медленно положила ложку.

— Кто это сказал? — спросила она.

Мужчины обернулись.

— Да так, слухи, — ответил первый. — Откуда нам знать? Мы в столице не бывали.

— А где вы услышали про сделку?

Второй мужчина прищурился.

— Какую ещё сделку?

Мирана поняла, что он действительно не знает. Кто-то распространил историю о жертве короля, но не о том, с кем и на каких условиях он договаривался.

Она расплатилась и вышла.

На улице её ждал мальчишка лет двенадцати. Он держал в руках небольшую деревянную фигурку дракона.

— Вы принцесса? — спросил он.

Мирана остановилась.

— Почему ты так решил?

— У вас лицо как на монетах. Только на монетах вы выглядите старше.

Она невольно улыбнулась.

— И что же ты хочешь за свою догадку?

Мальчик протянул ей фигурку.

— Ничего. Мне велели передать.

— Кто?

— Мужчина в чёрном плаще. Он сказал, что вы спросите о короле, а я должен отдать вам это.

Улыбка исчезла с её лица.

— Когда ты его видел?

— Вчера. Он сидел вон там, у колодца. Но когда я утром пришёл, его уже не было.

Мирана взяла фигурку.

На спине дракона был вырезан маленький знак — круг с линией, пересекающей его посередине.

Тот самый символ, который она видела на старых документах отца.

— Он ещё что-нибудь сказал?

Мальчик кивнул.

— Сказал: «Передай ей, что имя её отца ещё не закончено».

Мирана сжала фигурку.

— Что это значит?

— Не знаю. Он ещё сказал, чтобы вы не произносили имя короля возле воды.

— Почему?

Мальчик пожал плечами.

— Он сказал, вода запоминает лучше людей.

Он убежал прежде, чем Мирана успела задать следующий вопрос.

Она посмотрела на колодец.

Вода внутри была неподвижной, хотя ветер трепал листья над его каменным ободом. Мирана подошла ближе и заглянула вниз.

На поверхности воды отражалось небо.

И дворец.

Она увидела высокие башни, золотые крыши и солнечную чашу в саду. Всё выглядело так, словно она по-прежнему находилась дома.

А потом в отражении появился Эдрик.

Он стоял у окна своей спальни, бледный, с опущенными плечами. Его губы двигались, но звука не было.

Мирана наклонилась ближе.

Король поднял руку и указал на кольцо.

Затем произнёс два слова.

Она не услышала их, но прочитала по губам:

«Не моё имя».

Вода пошла рябью.

Отражение исчезло.

Мирана отступила от колодца. Сердце колотилось так сильно, что ей пришлось прислониться к стене ближайшего дома.

Она больше не сомневалась: смерть отца была не концом сделки. Она была её новой частью.

Но прежде чем искать Террорблейда, ей нужно было понять, что именно он забрал у Эдрика.

И почему теперь кто-то пытался вернуть это через неё.

Маг и пустая страница

Инвокер не любил случайностей.

Он допускал, что мир может содержать явления, которые смертные называют чудесами. Допускал, что древние силы способны нарушать законы, на которых держится магия. Но даже самое невероятное событие, по его убеждению, имело причину.

Поэтому исчезновение текста тревожило его сильнее, чем красная трещина над Квойдором.

Трещина была следствием.

Пустая страница могла оказаться причиной.

В своей башне он разложил перед собой копии древних рукописей. Большинство из них были неполными: одни заканчивались посреди предложения, другие содержали строки, которые не удавалось прочитать ни с помощью магии, ни с помощью обычных знаний.

На одной странице повторялся знак восьми линий.

На другой — перечёркнутый круг.

На третьей не было ничего, кроме названия:

«О тех, кого нельзя помнить».

Инвокер провёл пальцами над бумагой.

— Кто вас вычеркнул? — тихо спросил он.

Свечи погасли.

В комнате остался лишь голубоватый свет магических сфер, зависших под потолком. На чистой странице медленно проступили слова.

«Имя — это не то, чем тебя называют. Имя — это то, что мир отказывается забыть».

Инвокер замер.

Он видел подобную формулировку прежде. Очень давно, в записях, которые не должны были попасть в руки смертных. Тогда он счёл её философской загадкой, не более значительной, чем сотни других изречений древних магов.

Теперь он понимал: речь шла о магии, способной воздействовать не на тело, не на память и даже не на душу.

На связь между существом и самим фактом его существования.

Если такую связь можно было разрушить, существо могло исчезнуть из мира, оставив после себя последствия, которые никто не сумел бы объяснить.

Люди забыли бы его лицо. История — его поступки. Магия — его след.

И лишь пустота сохранила бы форму того, чего больше нет.

Инвокер поднялся и подошёл к окну.

Вдалеке, за горизонтом, лежал Квойдор.

Он уже решил отправиться туда, но теперь понимал, что обычного исследования будет недостаточно. Ему нужно было найти человека, который первым заметил пропажу текста.

Хранителя архива.

Аурена.

Инвокер не знал его имени. Пока.

Он достал старый кристалл связи и произнёс заклинание. На поверхности кристалла возникла карта, но Квойдор оказался скрыт серой дымкой.

Инвокер нахмурился.

— Кто-то закрывает город от наблюдения.

Он усилил заклинание.

Дымка разошлась на мгновение, и перед ним возникли семь башен. Между ними пульсировал красный свет. Затем изображение изменилось: под городом проступил ещё один силуэт — башня, которой не существовало на официальных картах.

Инвокер резко убрал руку.

Кристалл треснул.

— Значит, вы прятали не город, — сказал он пустой комнате. — Вы прятали то, что находится под ним.

В этот момент на столе зашевелилась страница с названием «О тех, кого нельзя помнить».

Буквы исчезали одна за другой.

Инвокер бросился к ней, но не успел.

Последняя строка продержалась чуть дольше остальных:

«Если ты читаешь это, значит, одно из имён уже было произнесено».

Страница стала чистой.

Инвокер долго смотрел на неё.

Затем погасил магические сферы, собрал рукописи и впервые за многие годы покинул башню без уверенности, что знает, куда идёт.

Дракон, который не ответил

Слайрак оставался у печати.

Красная трещина не увеличивалась, но и не исчезала. Это было хуже, чем разрушение. Разрушение можно было остановить, если знать, где приложить силу. А здесь сама печать словно перестала понимать, что именно должна удерживать.

Слайрак помнил каждую битву, каждую клятву и каждый приказ, отданный ему с тех пор, как он принял на себя охрану древних границ.

Он помнил Зета.

Помнил войну до рождения королевств.

Помнил, как первые горы поднимались из первозданной материи, а звёзды ещё не знали своих орбит.

Но теперь он пытался вспомнить другое.

Кто впервые приказал ему охранять эту печать?

Он видел перед собой Зета, стоящего среди пламени. Слышал его голос. Помнил собственную клятву.

Но самого мгновения приказа не было.

Не было слов.

Не было причины.

Только обязанность, существовавшая так долго, что он перестал задаваться вопросом, откуда она взялась.

— Ты снова думаешь об этом.

Голос раздался позади.

Слайрак обернулся.

Зета не было. Вместо него на снегу лежала тень, вытянутая в сторону печати. Она не принадлежала ни одному из стоявших рядом существ.

— Терроблейд, — произнёс дракон.

Тень не ответила.

— Я знаю, что ты здесь.

— Знаешь ли? — раздался голос.

Слайрак расправил крылья, подняв снежную пыль.

— Покажись.

— Ты уже видел меня. И ударил. Ты решил, что победил, потому что разрушил моё отражение.

— Я не позволю тебе коснуться печати.

— Ты всё ещё говоришь о печати. Не о том, что она удерживает. Не о том, почему ты должен стоять здесь. Только о приказе.

Слайрак ударил хвостом по земле. Камень раскололся.

— Я дал клятву.

— Клятва, смысл которой ты не помнишь.

Дракон зарычал.

— Я помню достаточно.

— Тогда ответь: если завтра Зет прикажет тебе покинуть пост, что ты сделаешь?

Слайрак не ответил.

— Если он прикажет тебе открыть печать?

— Он не прикажет этого.

— Ты уверен?

Тень вытянулась, коснувшись красной трещины. На мгновение по поверхности печати пробежали тёмные знаки.

Слайрак бросился вперёд, но тень рассыпалась прежде, чем когти коснулись её.

Голос прозвучал уже издалека:

— Я не прошу тебя предать Зета. Я лишь хочу, чтобы ты однажды спросил его, почему он не доверяет тебе правду.

Слайрак остался один.

Он мог немедленно вызвать Зета. Мог сообщить о каждом слове Терроблейда и потребовать объяснений.

Но вместо этого он опустил голову и посмотрел на печать.

Впервые за многие века он не стал произносить клятву.

И где-то глубоко внутри древнего камня раздался тихий звук.

Будто кто-то повернул ключ.

Восемь линий

В ту же ночь на столе Аурена появился новый лист.

Он не знал, кто принёс его. Дверь комнаты оставалась запертой, окна были закрыты, а коридор за стеной охраняли двое стражников. Тем не менее лист лежал рядом с картой Квойдора, словно его оставили там много лет назад.

На нём было восемь линий.

Семь расходились от пустого центра.

Восьмая не выходила наружу. Она была направлена внутрь, к самому сердцу знака.

Под рисунком стояла короткая надпись:

«Не все печати запирают. Некоторые удерживают мир от воспоминания».

Аурен перечитал её.

Теперь он понимал, почему пустые страницы могли быть опаснее древних заклинаний. Если исчезнувший текст действительно был связан с именами, то кто-то мог не просто скрыть прошлое.

Кто-то мог менять его.

Он вспомнил слова незнакомца: «Ищи того, кто помнит её закрытой».

Аурен посмотрел на рисунок.

Восемь линий.

Восемь следов.

И пустой центр, который словно ждал, когда кто-то назовёт его.

Он взял перо и написал под надписью первое слово, которое пришло ему в голову:

«Кто?»

Чернила ещё не успели высохнуть, когда лист потемнел.

Буквы исчезли.

Вместо них возник ответ:

«Тот, кого вы уже забыли».

Аурен медленно отложил перо.

В коридоре послышались шаги. Кто-то остановился прямо за дверью.

Затем раздался знакомый голос:

— Аурен? Открой. Это главный хранитель.

Аурен не двинулся.

Он посмотрел на лист. В самом центре восьми линий теперь появилась крошечная точка.

Она пульсировала, словно сердце.

— Аурен, — повторил голос за дверью. — Я знаю, что ты там.

Хранитель медленно поднялся и подошёл к двери.

— Что вам нужно?

За дверью наступила пауза.

— Верни страницу, которую ты забрал из нижнего архива.

Аурен похолодел.

Он никому не рассказывал о странице.

— Я ничего не забирал.

— Не лги. Ты уже прочитал предупреждение.

— Какое предупреждение?

Голос стал тише.

— То, которое велит не открывать Сердце Безмолвия.

Аурен отступил от двери.

— Кто вы?

Ответа не последовало.

Потом раздался звук, похожий на вздох.

— Я не знаю, — сказал голос.

Аурен застыл.

— Что?

— Я не знаю, кто я.

За дверью что-то скользнуло по каменному полу.

— Я помню, что был хранителем. Помню эти коридоры. Помню, что должен был тебя остановить. Но не помню собственного имени.

Лист на столе вспыхнул бледным светом.

В центре восьми линий точка раскрылась, превратившись в крошечное чёрное отверстие.

Аурен понял: это не была угроза.

Это было доказательство.

Кто-то уже начал стирать имена.

И первым исчез не герой, не король и не древний бог.

Первым исчез человек, чья работа заключалась в том, чтобы помнить.

Аурен открыл дверь.

Коридор был пуст.

На полу лежал старый ключ, а рядом с ним — табличка с именем главного хранителя.

Табличка была совершенно чистой.

Глава 12 Имя без хозяина

Человек, которого никто не знал

Аурен не стал поднимать ключ с пола.

Он стоял в дверях и смотрел на пустой коридор, пытаясь услышать хоть что-нибудь. За окнами Квойдора начинался рассвет. Свет медленно скользил по мостам между башнями, освещал каменные перила и высокие арки, под которыми за ночь успел осесть тонкий слой пыли.

Всё было как обычно.

И именно это пугало.

Если бы на стенах появились трещины, если бы башни задрожали или магические фонари погасли, Аурен хотя бы знал, что происходит нечто необычное. Но Квойдор продолжал жить своей жизнью. Слуги несли подносы, ученики торопились на занятия, стражники обсуждали смену караула.

Никто не искал главного хранителя.

Аурен вернулся в комнату, взял табличку с пола и направился к центральному архиву.

По дороге он остановил первого попавшегося писца.

— Где главный хранитель?

Писец нахмурился.

— Какой хранитель?

— Главный. Тот, кто отвечает за нижние уровни.

— Нижние уровни закрыты уже сорок лет. Там никто не отвечает за них.

— Ты сам видел приказ об их закрытии?

— Конечно.

— Кто его подписал?

Писец открыл рот, собираясь ответить, но внезапно замолчал. Он смотрел куда-то мимо Аурена, словно пытался разглядеть надпись на невидимой стене.

— Не помню, — наконец сказал он.

— Ты только что сказал, что видел приказ.

— Значит, видел.

— Но не помнишь, кто его подписал?

Писец раздражённо поправил рукава.

— Послушай, у меня работа. Не трать моё время.

Он ушёл, не попрощавшись.

Аурен продолжил путь.

У входа в архив его остановили двое стражников. Один из них посмотрел на табличку в руках Аурена.

— Что это?

— Табличка главного хранителя.

— У нас нет главного хранителя.

— Был.

Стражник пожал плечами.

— Тогда, наверное, умер.

— Вы не помните его?

— Кого?

Аурен почувствовал, как внутри поднимается холодная злость.

— Человека, который годами руководил архивом. Человека, которому вы отдавали честь. Который подписывал ваши пропуска и распоряжения.

Стражники переглянулись.

— Ты плохо спал? — спросил один.

Аурен хотел ответить, но понял, что любые слова бесполезны.

Он вошёл в архив.

На стене возле главного стола висел список руководителей Квойдора. Аурен знал его почти наизусть. Имена располагались по годам, от основателя архива до нынешнего поколения.

Между двумя знакомыми именами зиял пустой промежуток.

Не стёртая строка. Не вырванная страница.

Просто место, которое выглядело так, будто там никогда ничего не было.

Аурен провёл по нему пальцами.

Камень был гладким.

— Ты тоже это видишь, — произнёс голос позади.

Аурен резко обернулся.

У стола стояла пожилая архивистка по имени Мерет. Она работала в Квойдоре дольше, чем большинство преподавателей, и была одним из немногих людей, кто относился к Аурену серьёзно.

— Вы помните его? — спросил Аурен.

Мерет посмотрела на пустое место.

— Нет.

Её ответ прозвучал спокойно, но пальцы дрожали.

— Я не помню его лица. Не помню голоса. Не помню имени. Но каждое утро уже много лет я ставлю на этот стол две чашки чая.

Она посмотрела на стол.

Там действительно стояли две чашки.

Одна была пуста.

Вторая оставалась нетронутой.

— Я всегда считала, что просто забываю убрать лишнюю, — прошептала Мерет. — Но сегодня утром я обнаружила, что вторая чашка ещё тёплая.

Аурен медленно положил табличку рядом с чашками.

— Значит, он не исчез полностью.

— Что это значит?

Аурен посмотрел на пустой промежуток в списке.

— Не знаю. Но если мы помним последствия его существования, значит, он не был вычеркнут до конца.

Мерет подняла глаза.

— А если однажды исчезнут и последствия?

Аурен не ответил.

Потому что именно об этом он думал с той минуты, как увидел чистую табличку.

Если мир способен забыть человека, то способен забыть и то, что этот человек сделал.

А если он забудет, что человек когда-то удерживал какую-то дверь закрытой…

Кто тогда заметит, когда дверь откроется?

Прибытие Инвокера

Квойдор встретил Инвокера туманом.

Когда-то он приходил сюда как почётный гость, и город открывал перед ним свои ворота. Учёные выходили навстречу, хранители предлагали доступ к редким рукописям, а ученики собирались в залах, чтобы услышать хотя бы несколько слов из уст мага, чьё имя пережило множество королевств.

Теперь у ворот его никто не ждал.

Стражник проверил документы и долго изучал лицо Инвокера.

— Цель визита?

— Исследование древних записей.

— Разрешение?

— Не требуется.

Стражник нахмурился.

— Требуется всем.

Инвокер посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Тогда вызови того, кто имеет право отказать мне.

— Кого именно?

Инвокер замолчал.

Он знал ответ. В любом городе были люди, принимавшие решения. Но здесь он не мог вспомнить ни одного имени.

Не потому, что никогда их не знал.

Потому, что имена словно выскальзывали из памяти, едва он пытался удержать их.

Инвокер закрыл глаза и сосредоточился.

Кваз.

Векс.

Экзорт.

Три сферы возникли вокруг него. Воздух наполнился тихим гулом магии.

Он попытался увидеть недавнее прошлое ворот, проследить, кто входил в город, кто покидал его и какие следы оставили их шаги.

Вместо этого он увидел пустоту.

Не отсутствие событий, а отсутствие самой возможности вспомнить их.

Инвокер немедленно прекратил заклинание.

Стражник отступил.

— Что вы сделали?

— Ничего, что могло бы тебе навредить.

— Вы не можете колдовать у ворот без разрешения.

Инвокер посмотрел на него.

— Скажи мне, как зовут главного хранителя Квойдора.

Стражник растерянно моргнул.

— Главного хранителя?

— Да.

— У нас есть городской совет. Архивом руководят учёные.

— А кто руководил им десять лет назад?

Стражник нахмурился сильнее.

— Не знаю.

— Пятнадцать лет назад?

— Не знаю.

— Двадцать?

Стражник раздражённо поднял копьё.

— Я не историк.

Инвокер понял, что дело серьёзнее, чем он предполагал.

Он убрал сферы.

— Передай городскому совету, что Инвокер прибыл по делу, которое касается безопасности Квойдора.

— А если они откажутся вас принять?

— Тогда я найду другой способ войти.

Стражник пропустил его.

Инвокер пошёл по главной улице, не оглядываясь. Он чувствовал магический след, слабый, но отчётливый. След уходил в сторону центрального архива.

И вёл к человеку, который пытался удержать в памяти то, что мир уже начал стирать.

Девушка и чужое имя

Мирана добралась до небольшого города на перекрёстке торговых дорог к вечеру.

Она не показывала королевских знаков и представлялась обычной путешественницей. Но даже здесь, вдали от дворца, смерть Эдрика уже изменила поведение людей.

На площадях обсуждали будущего правителя. Торговцы спорили, кому теперь платить пошлины. В храме солнца служители отменили вечернюю церемонию, объяснив это тем, что священный огонь внезапно погас.

Мирана направилась туда.

Храм оказался небольшим, с белыми колоннами и золотой чашей в центре. Сейчас чаша была холодной. На её дне лежал тонкий слой пепла.

Старый служитель сидел у стены и перебирал чётки.

— Почему огонь погас? — спросила Мирана.

— Не знаю, дитя.

— Разве огонь не зажигали каждую ночь?

— Всю мою жизнь.

— И что изменилось?

Служитель поднял на неё усталые глаза.

— Сегодня я забыл молитву.

Мирана села напротив.

— Какую молитву?

— Ту, которую произносил каждый вечер. Я помню каждое слово до последней строки. Но когда дошёл до имени, которое должен был назвать, язык перестал слушаться.

— Имени кого?

Служитель покачал головой.

— Не знаю.

Мирана почувствовала знакомый холод. Тот же, что испытала у колодца, когда увидела отражение отца.

— Попробуйте вспомнить.

Служитель закрыл глаза.

— Оно было важным. Очень важным. Я произносил его в честь тех, кто охранял королевство ещё до основания династии Эдрика. Но теперь, когда пытаюсь вспомнить, вижу только дверь.

— Какую дверь?

— Чёрную. Без ручки.

Мирана достала из сумки деревянную фигурку дракона.

— Вы знаете этот знак?

Служитель побледнел.

Он не коснулся фигурки, но отодвинулся от неё так резко, что чётки рассыпались по полу.

— Где вы это взяли?

— Мне передали.

— Уничтожьте её.

— Почему?

— Потому что этот знак нельзя носить при себе.

— Кто его запретил?

Служитель посмотрел на неё с отчаянием.

— Никто. Вот в чём беда. Его никто не запрещал. Его просто перестали помнить.

Мирана убрала фигурку.

— Я ищу человека, который заключил сделку с моим отцом.

Служитель долго смотрел на неё.

— Тогда вам нужно искать не того, кто пришёл к королю, — наконец сказал он. — Ищите того, чьё имя король боялся произнести.

— Я знаю его имя.

— Нет, принцесса. Вы знаете, как его называют другие.

Мирана замерла.

Служитель опустил голову.

— Некоторые имена — это не слова. Это двери. И когда вы произносите их, кто-то по ту сторону слышит.

В этот момент золотая чаша раскололась.

Не от удара и не от жара. По её поверхности прошла тонкая чёрная линия.

Служитель вскрикнул.

А Мирана услышала голос отца — совсем рядом, словно Эдрик стоял за её плечом.

— Не называй его.

Она обернулась.

Позади никого не было.

Но на каменном полу, среди рассыпанных чёток, лежала маленькая золотая пластина. На ней было выгравировано имя.

Мирана наклонилась, чтобы прочитать его.

И в тот же миг все свечи в храме погасли.

Ошибка Зета

Зет понял, что допустил ошибку, ещё до того, как Элдер Титан вошёл в зал.

Он стоял перед древней стеной, наблюдая за восемью углублениями. Семь продолжали светиться. Восьмое, прежде пустое, теперь содержало тонкую серебряную линию.

Линия не принадлежала ни одной из печатей.

Она появилась не извне.

Она шла изнутри.

— Ты знаешь, что это, — сказал Элдер Титан.

Зет не обернулся.

— Я знаю, чем это не является.

— И этого тебе достаточно?

— Нет.

Элдер Титан подошёл к стене.

— Тогда скажи правду.

— Какую именно?

— Ту, которую ты скрывал от Слайрака. Ту, которую скрывал от Инвокера. Ту, которую не смог произнести даже передо мной.

Зет медленно опустил руку.

— Когда мы запечатали Древних, — сказал он, — мы не просто заключили их в Лунную тюрьму.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь то, что мы решили помнить.

Впервые за долгие эпохи Элдер Титан не нашёл ответа.

Зет продолжил:

— Война не закончилась в тот момент, когда Радинтул и Дирул оказались за печатью. Их сила продолжала воздействовать на реальность. Каждое столкновение оставляло след. Каждая

попытка вырваться меняла законы мира. Мы поняли, что однажды даже тюрьма перестанет удерживать их.

— Поэтому появились печати.

— Да. Но печати удерживали не только Древних. Они удерживали и последствия войны.

Элдер Титан посмотрел на серебряную линию.

— А что находится за восьмой?

Зет долго молчал.

— Не восьмая печать.

— Тогда что?

— То, что осталось от первого решения.

— Какого решения?

Зет закрыл глаза.

На мгновение он снова увидел начало войны. Не битву, не заточение и не расколотую луну. Он увидел мгновение перед всем этим, когда ещё существовал выбор, который никто не хотел делать.

— Мы не смогли победить Древних, — сказал он. — Мы не смогли уничтожить их. И мы не могли позволить им остаться свободными. Поэтому мы сделали нечто, чего не должны были делать.

— Что именно?

— Мы вычеркнули из реальности саму возможность другого исхода.

Элдер Титан отступил на шаг.

— Ты изменил прошлое?

— Нет. Я изменил то, что мир мог помнить о прошлом.

— И теперь кто-то возвращает забытое.

— Да.

— Террорблейд?

— Возможно. Но он не создал эту трещину. Он лишь понял, что она существует.

Зет посмотрел на серебряную линию.

— Кто-то хочет вернуть то, что было вычеркнуто. И если это случится, мы узнаем, почему война не закончилась.

— А если правда окажется хуже самой войны?

Зет наконец повернулся к нему.

— Тогда, возможно, мы заслужили узнать её.

В глубине стены раздался тихий удар.

Серебряная линия расширилась на толщину человеческого волоса.

И Зет услышал голос, который не слышал с самого начала времён:

— Ты обещал, что меня не забудут.

Он побледнел.

Элдер Титан заметил это.

— Кто это?

Зет не ответил.

Потому что теперь он вспомнил.

Не имя.

Не лицо.

Только то, что когда-то, прежде чем появились печати, он дал кому-то обещание.

И не сдержал его.

Глава 13 Имя за дверью

Золотая пластина

В храме Солнца больше не горели свечи.

Жрецы приносили новые, зажигали их от углей в священной чаше, но пламя гасло прежде, чем успевало коснуться фитиля. Словно темнота не просто заполнила помещение, а получила право решать, что в нём может существовать.

Мирана стояла у алтаря, держа на ладони золотую пластину.

Она была небольшой, чуть длиннее пальца. По краям металл потемнел, однако надпись в центре оставалась нетронутой временем. Буквы были незнакомы Миране, хотя в детстве она изучала старые письмена своего народа. Это не был ни язык жрецов Солнца, ни древние знаки королевской династии.

И всё же, глядя на них, она чувствовала, что должна их знать.

— Где ты её нашёл? — спросила она.

Старый жрец сидел у подножия алтаря. После того как погасли свечи, он будто постарел на несколько лет. Его пальцы дрожали, а взгляд всё время возвращался к пластине.

— Она была среди моих молитвенных бусин. Я ношу их с тех пор, как стал служить храму. Никогда не видел её прежде.

— Но ты сказал, что на ней имя.

— Я услышал его.

— От кого?

Жрец медленно покачал головой.

— Не знаю. Когда ты вошла, я вспомнил, что должен передать тебе эту пластину. А потом вспомнил, что не должен был помнить о ней вовсе.

Мирана сжала металл в ладони.

Ей вспомнился отец — его лицо в зеркале, неподвижные губы, произнёсшие: «Не моё имя».

Тогда она решила, что он пытался предупредить её. Теперь она впервые допустила другую возможность: может быть, отец боялся не того, что с ним случится после смерти, а того, что уже случилось.

— Ты знаешь, что означает эта надпись? — спросила она.

— Нет. Но могу сказать, что она не предназначена для глаз.

— Для чего же?

Жрец поднял голову.

— Для памяти.

Эти слова повисли между ними.

Мирана снова посмотрела на буквы. Если бы она прочитала их вслух, возможно, ничего бы не произошло. Возможно, надпись была всего лишь частью древнего обряда. Но после смерти Эдрика она больше не верила в безобидные совпадения.

— Что случится, если я прочту её?

Старик ответил не сразу.

— Думаю, это зависит от того, кто ждёт, когда ты произнесёшь имя.

Из глубины храма донёсся тихий скрежет.

Мирана обернулась.

За алтарём, там, где в каменной стене находилась ниша для священного огня, проступила тонкая чёрная линия. Она шла вертикально от пола к потолку. Вначале казалась трещиной, но затем Мирана увидела, что камень по обе стороны линии не разломан.

Там была дверь.

Не вырезанная в стене, не построенная из дерева или металла. Она словно всегда находилась здесь, но мир отказывался её замечать.

Жрец попятился.

— Нет, — прошептал он. — Она не должна открыться здесь.

Мирана подошла ближе.

На поверхности двери не было ни ручки, ни замка. Только восемь углублений, расположенных вокруг пустого центра.

Тот же знак, что появлялся в её снах.

— Ты говорил, что слышал имя, — сказала она, не оборачиваясь. — Что именно ты услышал?

— Я не помню.

— Попробуй.

— Я не могу.

Мирана повернулась к нему.

— Если мы будем бояться каждого слова, которое не понимаем, однажды нам останется только молчать.

— А если некоторые слова и созданы для того, чтобы лишить нас возможности говорить?

Она не нашлась с ответом.

Пластина потеплела в её руке. Буквы на ней медленно изменились. Теперь они стали похожи на письмена, которые Мирана знала с детства.

Она смогла прочитать первую строку:

«Тот, кто был до первого обещания».

Вторая строка оставалась непонятной.

Третья — пустой.

И в этот момент за дверью кто-то тихо постучал.

Три удара.

Мирана не отступила, но и не произнесла имя.

— Кто там? — спросила она.

Ответ пришёл не голосом, а воспоминанием.

На мгновение она снова оказалась маленькой девочкой. Отец держал её за руку и вёл по длинному коридору дворца. Они остановились перед запертой дверью, которой, как ей всегда говорили, не существовало. Эдрик опустился перед дочерью на колено и сказал:

— Если однажды ты услышишь, как кто-то зовёт тебя из-за стены, не отвечай, пока не узнаешь, кто именно тебя помнит.

Воспоминание исчезло.

Мирана едва не выронила пластину.

Она помнила этот коридор. Помнила руку отца. Помнила, как потом долго не могла заснуть.

Но не помнила никакой двери.

И всё же отец произнёс эти слова. Она была уверена.

Теперь она поняла, что означало его последнее предупреждение.

«Не моё имя».

Не обязательно имя самого Эдрика.

Возможно, он говорил о том, что кто-то присвоил себе его жизнь — его решения, его обещание, даже его смерть.

Мирана спрятала пластину под одежду.

— Мы уходим, — сказала она жрецу.

— Но дверь…

— Пусть останется закрытой.

Она направилась к выходу, но у порога услышала четвёртый удар.

На этот раз стук прозвучал не за дверью в стене.

Он раздался изнутри золотой пластины.

И вместе с ним Мирана услышала голос отца:

— Доченька, не позволяй ему вернуть меня.

Она остановилась.

Голос был точным. Не похожим, не воспроизведённым по памяти. Это был голос Эдрика — с той самой хрипотцой, которая появлялась, когда он уставал, и с той нежностью, которую он никогда не показывал придворным.

Но Мирана не обернулась.

Она вышла из храма и только на улице позволила себе вдохнуть полной грудью.

Пластина оставалась тёплой.

Теперь она знала, что не станет читать имя, пока не поймёт, кто хочет быть возвращённым.

И впервые после смерти отца у неё появилась цель, не связанная с местью.

Она собиралась выяснить, что именно Эдрик отдал за неё — и почему теперь кто-то требовал эту плату обратно.

Архивист и маг

Центральный архив Квойдора был старше семи башен.

Башни построили над ним, вокруг него и, согласно некоторым летописям, вопреки ему. Никто из современных мастеров не мог объяснить, как под городом помещалось здание, чьи нижние коридоры уходили глубже фундаментов, а верхние залы находились на уровнях, которых не было ни в одной башне.

Инвокер стоял перед входом, когда дверь открылась сама.

Он не удивился.

После нескольких дней, проведённых среди текстов, которые исчезали прямо на глазах, удивление стало роскошью, которую он больше не мог себе позволить.

Внутри пахло пылью, старым пергаментом и холодным камнем. Вдоль стен поднимались стеллажи. Некоторые были заполнены книгами, другие — пустыми коробами с выцветшими надписями. На полу лежали листы, исписанные почерками, которых Инвокер не встречал ни в одном из известных ему языков.

В глубине зала горела единственная лампа.

За столом сидел молодой человек.

Перед ним лежала раскрытая книга, а рядом — чистый лист, на котором медленно проступали восемь тонких линий.

Инвокер остановился.

— Аурен?

Молодой архивист поднял голову. На его лице отразилось удивление, за ним — настороженность.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете моё имя?

Инвокер не ответил сразу. Он внимательно осмотрел стол, книгу, линии на листе. Потом перевёл взгляд на самого Аурена.

— Потому что кто-то хотел, чтобы я тебя нашёл.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Аурен закрыл книгу.

— Если вы пришли за листом, его не будет.

— Я не знаю, о каком листе ты говоришь.

— Тогда вам повезло. В последнее время каждый, кто приходит сюда, хочет забрать то, чего не понимает.

Инвокер чуть наклонил голову.

— И ты решил, что лучший способ сохранить тайну — никому ничего не говорить?

— Я решил, что люди, которые слишком уверены в своих знаниях, опаснее тех, кто признаёт своё невежество.

На мгновение в глазах мага мелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Хорошо. Значит, ты ещё не испорчен этой башней.

Он подошёл к столу.

Аурен поднялся.

— Не трогайте книгу.

— Почему?

— Потому что она не ваша.

— Я не спрашивал, кому она принадлежит.

Инвокер протянул руку, но не коснулся страниц. Его пальцы остановились над листом. Магия вокруг стола дрогнула, будто невидимая поверхность воды покрылась рябью.

Восемь линий на бумаге потемнели.

Одна из них отделилась от остальных и протянулась к Инвокеру.

Он резко убрал руку.

— Что это? — спросил Аурен.

— Если бы я знал, я бы не отдёрнул руку.

— Вы маг.

— Именно поэтому я знаю, когда не следует касаться незнакомой магии.

Линия остановилась у края листа. На её конце проступил маленький знак — круг, перечёркнутый вертикальной чертой.

Аурен побледнел.

— Этот знак был на двери в нижнем архиве.

— На какой двери?

— На той, за которой хранится Сердце Безмолвия.

Инвокер посмотрел на него так внимательно, что Аурену стало не по себе.

— Ты видел его?

— Я слышал голос за дверью. А потом увидел трещину. С тех пор в городе происходят вещи, которые никто не помнит.

— Например?

Аурен рассказал о главном архивисте.

О пустом месте в списке руководителей. О двух чашках чая на столе Мерет. О человеке, который пришёл к его двери, не помня собственного имени, и оставил ключ с чистой табличкой.

Инвокер слушал молча.

Когда Аурен закончил, маг отвёл взгляд.

— Я читал о подобном.

— Где?

— В книге, которая исчезла, как только я закончил читать последнюю страницу.

— Что в ней было?

— Утверждение, что имя — это связь между существом и памятью мира. Если связь разорвать, человек не просто умирает. Мир начинает вести себя так, словно его никогда не существовало.

Аурен медленно сел.

— Но ведь остаются следы.

— Иногда. Следы — не память. Можно помнить, что за столом всегда стояли две чашки, и не знать, для кого была вторая. Можно скучать по человеку, не понимая, кого потерял. Можно искать того, чьё существование не способен доказать.

— Тогда он ещё жив?

Инвокер помолчал.

— Я не знаю.

Аурен опустил глаза.

Он не хотел признавать, что надеется на это. Не знал главного архивиста. Не помнил его голоса, не мог представить лицо. Но сама пустота в списке казалась несправедливой. Человек не должен исчезать настолько, чтобы даже его отсутствие оставалось безымянным.

— Если кто-то умеет стирать людей из памяти мира, — произнёс он, — значит, он может делать это снова.

— Да.

— И вы знаете, кто это?

— Нет.

Аурен поднял на него глаза.

— Вы всегда отвечаете так, когда не хотите говорить правду?

— Нет. Иногда я просто молчу.

На этот раз улыбнулся Аурен — коротко и невесело.

Инвокер наконец коснулся края листа.

Восемь линий вспыхнули белым светом. В центре возникло изображение, которого не было на карте: не башня, не город, не храм, а пустое место, окружённое стенами.

И под ним появилась надпись.

«Первый свидетель найден».

Аурен отшатнулся.

Инвокер прочитал надпись ещё раз.

— Свидетель чего? — прошептал архивист.

Вместо ответа бумага начала чернеть.

Сначала исчезли линии. Потом знак. Затем сами буквы. Но перед тем, как лист стал совершенно пустым, на нём проступило ещё одно предложение:

«Второй свидетель уже отказался».

Инвокер замер.

— Кто второй? — спросил Аурен.

Маг медленно выпрямился.

— Не знаю.

Но впервые за долгое время его голос прозвучал неуверенно.

Потому что в ту же секунду он почувствовал далёкое присутствие — не магическое и не физическое. Оно было похоже на воспоминание, которое кто-то пытался удержать за краем сознания.

Перед его внутренним взором возникла дверь.

За ней кто-то стоял.

И Инвокер понял, что когда-то уже слышал этот голос.

Не в книге.

Не во сне.

В самом начале мира, когда ещё не существовало ни башен, ни королевств, ни имён, которыми смертные называли богов.

Голос произнёс:

— Ты тоже обещал.

Инвокер резко обернулся.

В архиве никого не было, кроме Аурена.

— Что случилось? — спросил тот.

Маг долго смотрел на пустой лист.

— Похоже, — сказал он наконец, — мы не ищем того, кто исчез.

Он забрал со стола книгу, которая до этого не позволяла себя коснуться.

На обложке медленно проявились слова:

«Свидетель не может быть возвращён, пока не вспомнит, что видел».

Инвокер закрыл книгу.

— Мы ищем того, кто помнит, как это произошло.

Человек у стены

Давион провёл ночь у подножия чёрной стены.

Он не спал. Не потому, что боялся снова увидеть сон, — напротив, он хотел вернуться туда, где голос впервые заговорил с ним человеческими словами.

Но сон не приходил.

Стена стояла перед ним безмолвная. Её поверхность не отражала огонь костра. Даже снег, падавший с неба, словно обходил её стороной.

Давион достал из ножен старый меч.

Знак из восьми линий оставался на клинке. Золотая точка в центре потускнела, но не исчезла.

— Ты знаешь, кто был мой отец? — спросил Давион.

Меч не ответил.

— Ты знаешь, что с ним случилось?

Тишина.

— Тогда почему я слышу тебя?

На этот раз ответ пришёл из-за стены.

— Потому что ты задаёшь неправильные вопросы.

Давион вскочил.

На другой стороне костра стоял человек в тёмном плаще. Его лицо было скрыто капюшоном, но фигура казалась знакомой. Не так, как знакомы случайные путники. Скорее так, как знакома старая рана, которую давно перестал замечать.

Давион поднял меч.

— Кто ты?

— Тот, кто знал твоего отца.

— Я уже слышал это.

— И всё равно продолжаешь спрашивать.

— Докажи.

Человек медленно снял перчатку.

На его ладони был шрам — тонкий, пересекающий кожу от основания большого пальца до запястья. Давион не знал, почему этот шрам показался ему важным. Но в тот же миг память ударила по нему с неожиданной силой.

Он увидел маленькую кузницу. Свою руку — ещё детскую. Мужчину, сидевшего перед ним на колене. Лицо не различалось, но рука взрослого была исполосована теми же шрамами.

Мужчина держал деревянную игрушку — маленького дракона.

— Не бойся того, что помнишь, — говорил он. — Бойся того, что тебе позволят вспомнить.

Воспоминание исчезло.

Давион пошатнулся.

— Ты был в кузнице?

Человек не ответил прямо.

— Твой отец пытался найти путь к тому, что было вычеркнуто. Он думал, что если найдёт источник голоса, то сможет вернуть то, что потерял.

— Что он потерял?

— Это ты должен решить сам.

Давион шагнул к нему.

— Хватит загадок!

— Хорошо. Тогда вот правда, которую ты не захочешь услышать. Твой отец не исчез, потому что не смог найти дорогу назад. Он исчез, потому что нашёл её.

Давион замер.

Ветер усилился. Костёр треснул, и несколько искр поднялись в воздух, но не погасли. Они повисли между двумя мужчинами, словно время на мгновение перестало двигаться.

— Где он? — спросил Давион.

— Там, куда нельзя войти, сохранив прежнее имя.

— Я не понимаю.

— Понимание здесь ничего не решает. Решает выбор.

Человек протянул руку. В ней лежал обломок металла — узкая пластина, покрытая теми же восемью насечками, что и древний знак. Одна насечка была стёрта.

— Возьми.

Давион не двинулся.

— Что это?

— Часть замка.

— Замка чего?

— Того, что держит стену закрытой.

Давион посмотрел на свою ладонь. На ней лежал похожий фрагмент, найденный у стены ранее. Он достал его из кармана.

Два обломка дрогнули, словно притягивались друг к другу.

— Если я соединю их, дверь откроется? — спросил Давион.

— Возможно.

— А если не соединю?

— Ты уйдёшь отсюда. Вернёшься к кузнице. Будешь ковать мечи для людей, чьих имён не запомнишь. Через несколько лет перестанешь слышать голос. Однажды у тебя появится сын, и ты расскажешь ему, что его дед был хорошим человеком, который однажды ушёл и не вернулся.

Давион стиснул зубы.

— Ты пытаешься заставить меня открыть стену.

— Нет. Я показываю тебе цену отказа.

— Это одно и то же.

— Только для того, кто считает, что у него есть выбор без цены.

Давион поднял меч.

— Ты знаешь, что находится за стеной?

— Да.

— Тогда скажи.

Человек в плаще помедлил.

— Не дверь. Не тюрьма. Не путь в другое место. За этой стеной находится то, что мир согласился забыть, чтобы продолжить существовать.

Давион почувствовал, как холод проходит сквозь одежду.

— И мой отец там?

— Часть его — да.

— Что значит «часть»?

— Ты всё ещё думаешь о человеке как о теле, памяти и имени. Но если у мира можно отнять имя, можно отнять и то, что связывает человека с самим собой. Твой отец нашёл способ удержать эту связь. Однако для этого ему пришлось оставить что-то за стеной.

— Что?

Человек опустил руку.

— Себя.

Давион хотел броситься на него, но меч внезапно стал тяжёлым. Не от магии — от сомнения. Он понял, что не может отличить правду от лжи. Человек мог знать его отца. Мог быть тем, кто привёл его к стене. Мог быть тем, кто заманивал его сюда с самого начала.

— Назови его имя, — потребовал Давион. — Моего отца.

Человек долго молчал.

— Я не могу.

— Не помнишь?

— Помню. Но если произнесу его здесь, стена услышит.

— А если я произнесу?

— Тогда она услышит тебя.

Из-за стены донёсся низкий гул.

Давион обернулся.

На чёрном камне появилась тонкая серебряная линия. Она медленно очертила контур двери.

И голос дракона, знакомый ему по снам, впервые прозвучал не из глубины сознания, а прямо из камня:

— Давион. Отойди.

Человек в плаще закрыл глаза.

— Вот теперь, — тихо сказал он, — начинается твой настоящий выбор.

— Почему я должен верить дракону?

— Не должен.

— А тебе?

— Тоже не должен.

Давион посмотрел на оба обломка замка.

Он мог соединить их.

Мог попробовать открыть дверь и найти отца — или то, что от него осталось.

Но он вспомнил слова Бренна: если дракон заговорит с ним человеческим голосом — беги.

А теперь человеческим голосом говорил незнакомец, утверждавший, что знает его отца.

Давион опустил меч.

— Я не открою стену ради обещания, которое не давал.

Человек в плаще впервые проявил эмоцию. Под капюшоном что-то изменилось — не гнев, не удивление, а глубокая печаль.

— Значит, ты уже не похож на него.

— На кого?

Ответа не последовало.

Человек исчез.

Не растворился в дыму, не отступил в темноту — его просто больше не было. На снегу не осталось следов.

Давион посмотрел на обломки.

Один из них треснул пополам.

На оставшемся куске проступили слова:

«Отказ принят».

Серебряная линия на стене погасла.

А из-за камня донёсся звук, похожий на тяжёлый вздох.

Давион не знал, кого он только что спас — себя, отца или того, кто находился за стеной.

Но он впервые отказался выбирать из двух предложенных ему путей.

И где-то далеко, за пределами долин и башен, одна из восьми печатей изменила форму.

Не разрушилась.

Не ослабла.

Она перестала быть замком.

Обещание Зета

Зет стоял перед стеной, которой не было в чертежах мира.

Эта стена существовала не в пространстве. Она не имела толщины, высоты или поверхности. Её нельзя было измерить, обойти или разрушить. Она отделяла не одно место от другого, а то, что мир позволял помнить, от того, что он запретил себе вспоминать.

Элдер Титан стоял рядом.

— Ты слышал его снова, — произнёс он.

Зет не ответил.

— Теперь ты знаешь, что он не исчез.

— Я никогда не говорил, что он исчез.

— Ты говорил, что его больше нет.

— Для мира — это одно и то же.

Элдер Титан тяжело опустил руку на камень, возникший под его ладонью.

— Нет. Именно эта разница и привела нас сюда.

За стеной снова раздался голос:

— Ты обещал, что меня не забудут.

Зет закрыл глаза.

На этот раз воспоминание пришло не обрывком. Оно раскрылось перед ним, как древняя книга, страницы которой долго удерживали силой.

До печатей.

До Великой Луны.

До того, как Радинтул и Дирул были заключены в свои бесконечные противостояния.

Тогда мир был другим. Не добрым и не мирным — просто ещё не окончательно определённым. Существовали возможности, которым не суждено было стать событиями. Варианты будущего переплетались, как корни под землёй, и ни один из них не имел окончательного права на существование.

И среди этих возможностей был тот, кто видел не то, что случится, а то, что могло случиться.

Он не был богом. Не был титаном. Не был древним в том смысле, в каком древними были Радинтул и Дирул.

Он был свидетелем.

Тот, кто мог помнить сразу несколько исходов одной и той же истории.

Когда война Древних начала разрушать сами законы реальности, Зет понял: недостаточно запереть противников. Нужно было лишить мир способности снова прийти к той же катастрофе.

Он и Элдер Титан создали печати.

Но печати должны были удержать нечто большее, чем двух врагов.

Они должны были отсечь все исходы, в которых война могла повториться.

И свидетель возразил.

Он сказал, что мир, лишённый альтернатив, однажды перестанет отличать судьбу от тюрьмы.

Зет ответил, что свобода не имеет значения, если не остаётся мира, в котором можно быть свободным.

Они спорили долго.

А затем Зет попросил свидетеля помочь завершить печати.

— Если мы это сделаем, — сказал он тогда, — никто не забудет, что ты помог нам сохранить мир.

Свидетель посмотрел на него.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Печати сомкнулись.

Война была заключена. Реальность обрела устойчивость. Но вместе с опасными исходами исчезли и воспоминания о том, что существовали другие пути.

А свидетель оказался по ту сторону созданной границы.

Не потому, что Зет намеревался предать его.

Потому что система не могла завершиться, пока тот, кто помнил альтернативы, оставался внутри мира.

Зет сделал выбор.

Он сохранил мир — и стёр из него свидетеля.

Его имя исчезло первым. Затем лицо. Затем сама возможность вспомнить, что у обещания был адресат.

Осталось только обещание.

И теперь оно возвращалось.

Зет открыл глаза.

Элдер Титан смотрел на него без гнева. Это было хуже.

— Ты знал? — спросил Зет.

— Я знал, что ты что-то скрыл. Не знал, что именно.

— Ты помогал мне создавать печати.

— Да.

— Ты видел, как они сомкнулись.

— Да.

— И ты не остановил меня.

Элдер Титан опустил взгляд.

— Потому что тогда я тоже считал, что мир важнее правды.

В тишине между ними прозвучал ещё один голос — не из-за стены, а из самого пространства.

— А теперь?

Элдер Титан поднял голову.

— Теперь я не уверен, что мир, который мы спасли, принадлежит нам.

Зет почувствовал, как что-то внутри него раскалывается. Не магия. Не память. Не сама сущность.

Его уверенность.

Он всегда считал, что цена решения становится справедливой, если спасает всё остальное.

Но он никогда не спрашивал, кто имеет право назначать эту цену.

— Если мы откроем границу, — сказал он, — вернутся не только воспоминания.

— Я знаю.

— Исходы, которые мы отсекли, могут снова стать возможными.

— Я знаю.

— Война Древних может повториться.

— Да.

Зет повернулся к нему.

— И всё же ты хочешь открыть её?

Элдер Титан долго молчал.

— Я хочу, чтобы тот, кому мы дали обещание, мог сам решить, что делать с миром, который мы построили на его забвении.

За стеной послышался тихий смех.

Не злой. Не торжествующий.

Уставший.

— Вы всё ещё думаете, что речь обо мне, — сказал голос. — Вы всё ещё думаете, что я хочу вернуться.

Зет почувствовал, как холод проходит через всё его существо.

— Чего ты хочешь?

Ответ пришёл не сразу.

— Чтобы вы вспомнили, что именно вы заперли вместе со мной.

Стена дрогнула.

Впервые Зет увидел на ней не трещину, а отражение.

Он увидел восемь печатей, восемь драконов, восемь направлений, уходящих в разные концы мира.

И в центре — не Радинтула и не Дирула.

Там стояло нечто, чему ещё не было дано имени.

Оно не пыталось вырваться.

Оно ждало.

Зет отступил на шаг.

— Что это?

Элдер Титан смотрел на отражение, и его древнее лицо впервые выразило настоящий ужас.

— Последствие, — прошептал он. — То, что мы не смогли отменить.

Отражение исчезло.

Стена снова стала невидимой.

Но голос остался.

— Теперь вы помните, — произнёс он. — Значит, скоро придётся выбирать.

И в глубине мира, там, где ни один смертный ещё не бывал, прозвучал звук, которого не слышали со времён до печатей.

Звук открывающегося замка.

Глава 14 То, что осталось за чертой

Пепел, который не горит

Первым изменился снег.

Давион заметил это на рассвете, когда попытался развести костёр. Чёрные хлопья, всю ночь оседавшие на камнях, вдруг поднялись в воздух. Они не разлетались от ветра и не таяли в тепле. Каждый кусочек пепла медленно вращался, будто пытался вспомнить, в какую сторону ему следовало падать.

Затем исчезла тишина.

Не постепенно — сразу.

Давион услышал далёкий треск льда, шорох собственной одежды, стук крови в висках. А из глубины долины донёсся звук, похожий на звон огромного колокола, ударившего под землёй.

Он поднялся и посмотрел на стену.

Серебряная линия, погасшая после его отказа, вновь появилась на чёрном камне. Теперь она не очерчивала дверь. Она пересекала всю стену от края до края, словно кто-то провёл черту между двумя частями мира.

На поверхности возникли буквы.

Давион не знал этого языка, но смысл понял.

«Отказ одного не отменяет выбора остальных».

Он выругался себе под нос.

— Значит, мой ответ тебе не понравился.

Стена не ответила.

Давион достал меч. Золотая точка в центре древнего знака снова светилась. Он провёл пальцем по клинку, и в голове возник образ: восемь огней, соединённых тонкими линиями. Семь горели ровно. Восьмой мигал, будто кто-то пытался зажечь его с другой стороны.

И тогда Давион услышал дракона.

— Ты сделал правильно.

Голос Слайрака был глухим и далёким, словно между ними лежали не мили, а целые эпохи.

— Ты говорил, что мне нельзя приближаться к стене.

— Я говорил, что тебе нельзя открывать её, не зная цены.

— А теперь знаешь?

Наступила пауза.

— Нет.

Давион невольно усмехнулся.

— Прекрасно. Значит, мы оба ничего не знаем.

— Есть разница, человек. Я охраняю то, что однажды согласился охранять. Ты стоишь перед тем, что ещё можешь решить.

— А если моё решение ничего не изменит?

— Тогда оно всё равно будет твоим.

Голос дракона начал исчезать.

— Подожди! — крикнул Давион. — Кто был тот человек? Он говорил, что знал моего отца.

Но ответом стал лишь гул стены.

Давион остался один.

Он убрал меч в ножны, собрал вещи и направился на восток — туда, где долина сужалась и старый тракт уходил между скалами.

Он не собирался возвращаться к кузнице. Пока нет.

Однако теперь он искал не дверь.

Он искал человека, который мог рассказать ему правду, не требуя взамен открыть что-либо запертое.

И впервые в жизни Давион понял, что это может оказаться гораздо труднее, чем сражение с чудовищем.

К полудню он нашёл следы.

Они появились на снегу там, где никто не проходил уже много лет: цепочка отпечатков, ведущая от стены к разрушенному сторожевому посту. Следы были человеческими, но странными. Каждый отпечаток повторял предыдущий с абсолютной точностью — одинаковая глубина, одинаковый наклон, одинаковый рисунок подошвы.

Давион опустился на колено.

В одном из следов лежал небольшой клочок ткани.

Тёмно-синей.

Он знал этот цвет.

Бренн хранил в мастерской старый плащ такого оттенка. Давион помнил его с детства, но никогда не спрашивал, кому тот принадлежал. Плащ был слишком изношен, чтобы носить его, и слишком бережно сложен, чтобы выбросить.

Давион поднялся и посмотрел на сторожевой пост.

На стене здания висел знак горной стражи, давно утратившей власть над этими местами. Под ним кто-то выцарапал восемь линий и перечеркнул одну.

Точно такой же знак был на обломке замка.

Только здесь одна из линий была не стёрта.

Она была нарисована заново — человеческой рукой.

Давион коснулся камня.

И услышал голос, которого не слышал много лет.

— Сынок.

Он резко отдёрнул руку.

Голос был тихим, почти неслышным. Но это было не эхо и не подражание Слайраку. В нём не было древней силы, не было требования или предупреждения.

Только усталость.

И любовь, которую он не успел узнать.

Давион закрыл глаза.

— Отец?

Ветер стих.

Когда он снова посмотрел на стену, надпись изменилась.

«Не ищи меня. Ищи того, кто помнит меня целиком».

Под надписью появилось ещё одно слово.

«Бренн».

Человек, который забыл страх

В Квойдоре Аурен обнаружил, что память города меняется не случайно.

Он начал проверять старые записи. Сначала — списки архивистов, потом городские переписи, затем реестры строителей, жрецов и хранителей башен. В каждом документе находились пробелы. Где-то исчезало имя. Где-то пропадала целая строка. Иногда текст сохранялся, но менялся смысл: предложение оставалось грамматически правильным, хотя больше ничего не означало.

Самым страшным было другое.

Некоторые люди замечали пропажи.

Они не помнили, что именно исчезло, но чувствовали утрату. Мерет каждое утро ставила две чашки. Один из стражников обходил пустую комнату, не решаясь войти. Пожилая переписчица продолжала покупать хлеб на двоих, хотя жила одна.

Город не забывал полностью.

Он забывал, что забыл.

Аурен записывал каждое наблюдение на бумаге, потому что перестал доверять книгам. Бумажные записи не исчезали так быстро, как архивные свитки, хотя иногда утром он обнаруживал, что часть написанного изменилась.

Однажды ночью он проснулся от звука шагов.

Кто-то ходил между стеллажами.

Аурен схватил лампу и вышел из-за стола.

— Кто здесь?

Шаги прекратились.

— Если вы пришли за книгой, она у меня.

— Я пришёл не за книгой.

Голос принадлежал мужчине.

Аурен поднял лампу выше.

Между стеллажами стоял человек в серой одежде. На вид ему было около сорока лет. Его лицо казалось совершенно обычным, и именно поэтому Аурен не мог удержать взгляд на отдельных чертах. Стоило попытаться запомнить нос, глаза или линию подбородка, как образ ускользал, оставляя лишь общее впечатление.

— Кто вы? — спросил Аурен.

— Не уверен, что у меня осталось имя.

Аурен почувствовал холод.

— Вы были главным архивистом?

Человек медленно посмотрел на него.

— Ты знаешь это слово?

— Я знаю, что в архиве есть пустое место, которое никто не помнит. И знаю, что кто-то оставил мне ключ.

— Тогда ты знаешь больше, чем я.

Он подошёл к столу. На нём лежала книга, которую Инвокер забрал, а затем вернул после того, как надпись исчезла. Аурен был уверен, что оставил её закрытой. Теперь книга лежала раскрытой на чистой странице.

Незнакомец посмотрел на неё.

— Не читай.

— Почему?

— Потому что она написана для того, кто ещё не вспомнил, кем был.

Аурен не стал спорить. Вместо этого он спросил:

— Вы помните Мерет?

Человек нахмурился.

— Должен помнить?

— Она ставит две чашки чая. Каждый день. Одна для себя, вторая — для вас.

Незнакомец опустил глаза.

— Я не пью чай.

— Возможно. Но она помнит, что вы сидели за её столом.

— Нет, — тихо произнёс он. — Она не помнит меня. Она помнит место, которое осталось после меня.

Он произнёс это без горечи, как человек, давно привыкший к собственному отсутствию.

Аурен не знал, что сказать.

— Можно ли вернуть память?

— Можно вернуть многое. Но возвращение не всегда означает восстановление.

— Что это значит?

Человек посмотрел на него.

— Если тебе вернут воспоминание, которое ты никогда не переживал, будет ли оно твоим? Если тебе вернут имя, которое принадлежало другому, станешь ли ты тем, кем был он? А если вместе с памятью вернётся боль, которую ты не заслужил, сможешь ли ты от неё отказаться?

Аурен вспомнил слова незнакомца из скрытой комнаты: не соглашайся, если тебе предложат вернуть то, чего ты никогда не терял.

— Вы знаете, что происходит с городом?

— Я знаю, что кто-то пытается исправить старую ошибку.

— Чью?

Человек долго молчал.

— Того, кто решил, что мир можно спасти, если лишить его права помнить.

Аурен подумал об Инвокере. О его уверенности, о знаниях, которые не делали его всемогущим. Подумал о древних силах, которые могли менять само устройство реальности.

— Зет, — произнёс он.

Незнакомец вздрогнул.

Это было первое настоящее движение, которое выдало его чувства.

— Не произноси это имя здесь.

— Почему? Оно тоже может исчезнуть?

— Нет. Оно может услышать.

В этот момент лампа погасла.

Аурен не двигался. Он слышал собственное дыхание и тихий шорох страниц.

Затем из книги прозвучал голос.

— Архивист.

Аурен узнал его. Это был голос из нижнего хранилища, тот самый, что впервые назвал его по имени.

— Я слушаю, — ответил он.

Незнакомец схватил его за руку.

— Не отвечай!

Но было поздно.

Книга захлопнулась.

На её обложке проступило имя.

Не Аурена.

Не Инвокера.

Имя человека, стоявшего рядом.

Тот посмотрел на него — и впервые в его глазах появился ужас.

— Нет, — прошептал он. — Я не должен был вспомнить.

Буквы на обложке стали ярче.

Аурен успел прочитать только первую часть имени, прежде чем оно исчезло.

Человек упал на колени. Его руки дрожали. Он пытался произнести что-то, но слова ломались, словно язык забыл, как складывать их в речь.

Аурен опустился рядом.

— Кто вы?

Незнакомец поднял голову.

Теперь его лицо стало чётким. Аурен увидел шрам над бровью, глубокие морщины у глаз, маленькую родинку на щеке. Черты, которые раньше невозможно было удержать в памяти, вдруг обрели ясность.

Человек посмотрел на Аурена так, словно увидел его впервые.

— Я… — начал он.

И назвал имя.

Звук прошёл сквозь архив, башни и каменные основания города.

Где-то под Квойдором ответил колокол.

Один удар.

Аурен не знал, что означало это имя. Но он увидел, как по стенам пробежали тонкие красные линии, а в глубине архива одна за другой открылись двери, которые не открывались сотни лет.

Человек обмяк.

— Что я сделал? — прошептал он.

Аурен помог ему подняться.

— Вы вспомнили себя.

— Нет, — ответил человек. — Я позволил миру вспомнить меня.

И где-то далеко от Квойдора что-то ответило на этот зов.

Письмо короля

Мирана покинула храм ещё до рассвета.

Она не рассказала жрецу о голосе отца, звучавшем из золотой пластины. Не потому, что не доверяла ему, а потому, что сама не понимала, чему доверять в произошедшем.

Она шла по старой дороге, ведущей к северным землям. За спиной оставались храм, деревня и дворец, в котором Эдрик умер, пытаясь купить для дочери время.

Впереди лежал Квойдор.

Мирана знала, что там находится Инвокер. О нём говорили при дворе — как о маге, способном найти ответ на любой вопрос, если сочтёт его достойным своего внимания. Некоторые считали его безумцем. Другие — величайшим разумом своего века.

Мирана не нуждалась в величайшем разуме.

Ей нужен был кто-то, кто не побоится сказать ей правду.

К полудню она остановилась у развилки, где старый тракт пересекался с дорогой к заброшенной почтовой станции. Над каменными воротами сохранилась эмблема её семьи: восходящее солнце, окружённое семью лучами.

Но восьмой луч был выцарапан поверх старого рисунка.

Мирана спешилась.

У ворот стоял курьер. Его плащ был покрыт дорожной пылью, а лошадь едва держалась на ногах. Увидев принцессу, он поклонился, но не назвал её по титулу.

— Я искал вас.

— Кто тебя послал?

— Никто. Я должен был доставить письмо королю Эдрику. Но когда прибыл во дворец, мне сказали, что такого короля никогда не существовало.

Мирана почувствовала, как сжалось горло.

— Кто тебе это сказал?

— Начальник дворцовой стражи. Он утверждал, что королевством правит совет. Потом я показал ему печать вашего отца. Он долго смотрел на неё, а затем велел мне уйти.

Курьер достал из сумки небольшой свёрток.

— Я не знаю, что в нём. Письмо было запечатано до того, как я получил его.

На сургуче стоял знак солнца.

Мирана узнала печать отца.

Она сломала сургуч.

Внутри лежал один лист. Почерк был знакомым — уверенным, немного наклонённым вправо. Она видела его на королевских указах и на коротких записках, которые отец иногда оставлял у её двери.

Но дата была невозможной.

Письмо было написано за три дня до рождения Мираны.

Она прочитала:

«Если это письмо дошло до тебя, значит, я не смог удержать обещание.

Я не знаю, кем ты станешь, когда прочтёшь эти строки. Не знаю, сохранишь ли ты своё имя или мир успеет отнять его у тебя. Но если ты всё ещё помнишь меня, знай: я не спасал тебя от смерти.

Я спасал тебя от выбора, который однажды придётся сделать мне самому.

Я думал, что смогу заплатить за это временем. Мне казалось, что время — вещь, которую можно занять, отдать или вернуть.

Я ошибался.

Не верь тому, кто предложит вернуть меня. И не верь тому, кто скажет, что я был невиновен.

Я сделал свой выбор.

Прости меня за то, что он стал твоим».

Внизу стояла подпись.

Эдрик.

Мирана перечитала письмо. Потом ещё раз.

Она ожидала признания, объяснения сделки, может быть, даже просьбы о прощении. Но отец не написал, что именно сделал. Он лишь оставил ей предупреждение.

— Когда тебе передали письмо? — спросила она.

— Я получил его в почтовом доме на юге. Там сказали, что оно должно быть доставлено королю лично.

— Кто дал его тебе?

— Старик в чёрном плаще. Он знал моё имя, хотя я никогда прежде его не видел.

Мирана подняла голову.

— Он назвался?

Курьер побледнел.

— Нет. Но перед тем, как уйти, он сказал: «Если король уже мёртв, передай письмо тому, ради кого он согласился забыть».

Мирана медленно сложила лист.

Теперь она понимала, почему голос отца просил не позволять кому-то вернуть его.

Эдрик знал, что его смерть не завершит сделку. Возможно, он знал это с самого начала.

Но он не просил дочь спасти его.

Он просил не повторять его ошибку.

— Ты можешь ехать дальше? — спросила она курьера.

— Да, ваше высочество.

— Тогда доставь это письмо туда, где его никто не сможет изменить.

— Куда?

Мирана посмотрела на север.

— В Квойдор.

Курьер поклонился.

— А вы?

Она убрала письмо и золотую пластину во внутренний карман плаща.

— Я еду туда же.

Когда курьер скрылся за поворотом, Мирана заметила, что на обратной стороне письма появилась новая строка.

Она не была написана чернилами. Буквы проступили прямо на бумаге, словно лист сам вспомнил, что должен содержать ещё одно предложение.

«Он не был первым, кто заплатил за тебя».

Мирана замерла.

Солнце скрылось за облаками.

На мгновение ей показалось, что мир вокруг стал прозрачным. Дорога, камни, сухая трава — всё оставалось на месте, но за каждым предметом виднелись другие очертания. Другая дорога. Другие ворота. Другой мир, в котором она никогда не родилась.

А затем всё исчезло.

Мирана спрятала письмо.

Она больше не собиралась искать только правду об отце.

Она собиралась узнать, почему её рождение стало частью древнего договора — и кто заплатил первым.

Печать, которая ответила

В долине Чёрного Снега Слайрак впервые за многие века покинул свой пост.

Он не ушёл далеко. Лишь поднялся на выступ над печатью, откуда мог видеть всю долину. Но даже этого оказалось достаточно, чтобы древний знак под ним начал мерцать.

Дракон не смотрел на печать.

Он смотрел на север, туда, где находилась стена.

После отказа Давиона одна из линий изменила форму. Слайрак почувствовал это так же ясно, как чувствуют боль в кости перед бурей. Не было ни вспышки, ни взрыва. Просто часть древнего узора перестала подчиняться прежнему порядку.

Он позвал Зета.

Ответа не было.

Слайрак позвал снова.

Тишина.

Это было невозможно. Зет мог не ответить сразу, мог скрыть своё присутствие, но связь между ними никогда не исчезала полностью. Даже во времена величайших катастроф дракон ощущал его где-то на краю сознания — как холодный свет за закрытыми веками.

Теперь света не было.

Слайрак опустил голову к печати.

— Что ты удерживаешь? — спросил он.

Он задавал этот вопрос тысячу раз за долгие эпохи. Раньше ответом было ощущение порядка, необходимость охранять границу, уверенность в том, что его служба имеет смысл.

Теперь пришло другое.

Печать показала ему воспоминание.

Слайрак увидел себя молодым — настолько молодым, что ещё не знал, как долго может жить дракон. Перед ним стоял Зет. Вокруг них бушевала война, но в этом воспоминании не было ни Радинтула, ни Дирула. Были другие силуэты, другие существа, чьи имена исчезли из всех летописей.

И был голос.

— Ты не обязан оставаться, — говорил Зет.

Молодой Слайрак отвечал:

— Если я уйду, кто останется?

— Тот, кто выберет.

— А если никто не выберет?

Зет молчал.

Тогда дракон произнёс:

— Значит, я останусь, пока не появится тот, кто сможет решить сам.

Воспоминание оборвалось.

Слайрак отступил.

Он не помнил этого разговора.

Не помнил, чтобы когда-либо соглашался охранять печать именно по такой причине.

Всё, что он знал о своём долге, было правдой. Но не всей правдой.

И это было страшнее лжи.

В воздухе появилась тёмная фигура.

Террорблейд не материализовался полностью. Его очертания оставались размытыми, словно сама реальность не желала признавать его присутствие.

— Ты начинаешь вспоминать, — произнёс демон.

Слайрак расправил крылья.

— Ты знал.

— Я знал, что печати скрывают больше, чем показывают.

— Ты знал о свидетеле?

Террорблейд чуть склонил голову.

— Теперь знаю.

— Не лги мне.

— Я не лгу. Я просто не обязан рассказывать тебе всё, что мне известно.

Слайрак ударил хвостом по камню. По долине прокатилась волна жара, но тёмная фигура не дрогнула.

— Ты ослабляешь печати.

— Нет. Я показываю им то, что они удерживали.

— Из-за тебя мир может разрушиться.

— Из-за меня мир может вспомнить, что он не был единственным возможным миром.

— Это одно и то же.

— Только для того, кто боится перемен.

Слайрак приблизился к демону.

— Если ты хочешь освободить Радинтула и Дирула, скажи прямо.

Террорблейд молчал несколько мгновений.

— Ты всё ещё думаешь, что за печатью находится только то, что ты знаешь.

— Я знаю, кого охраняю.

— Ты знаешь имена тех, кого тебе велели охранять.

Слайрак зарычал.

Террорблейд не отступил.

— Посмотри на свою печать, дракон. Она не разрушена. Она отвечает тебе. И если ты не способен услышать её ответ, не обвиняй того, кто принёс вопрос.

Фигура начала исчезать.

— Террорблейд!

Демон остановился.

Это был первый раз, когда Слайрак назвал его по имени после их встречи в долине.

— Если ты не хочешь разрушить мир, — произнёс дракон, — зачем всё это?

Террорблейд повернул голову.

— Потому что мир уже был разрушен. Просто вы назвали то, что осталось, спасением.

И исчез.

Слайрак долго стоял неподвижно.

Затем он сделал то, чего не делал со дня создания печатей.

Он не усилил защиту.

Он не позвал Зета.

Он положил коготь на древний знак и произнёс:

— Я остаюсь. Но теперь я хочу знать, что именно охраняю.

Печать вспыхнула.

На её поверхности возникли восемь линий. Семь были целыми. Восьмая заканчивалась у самого края, словно её кто-то намеренно не довёл до конца.

Слайрак понял, что это не повреждение.

Это было место для ответа.

И впервые за многие эпохи печать не потребовала от него послушания.

Она ждала его решения.

Тот, кто помнил все исходы

В глубине пространства, недоступного ни богам, ни смертным, не было света.

Но тот, кто находился там, видел всё.

Он видел Квойдор и молодого архивиста, который помог забытым буквам обрести голос. Видел Мирана и письмо, написанное ещё до её рождения. Видел Давиона, отказавшегося открыть стену, не понимая, что его отказ изменил одну из древних печатей.

Он видел и Зета.

Особенно ясно — Зета.

Свидетель помнил его обещание. Помнил выражение его лица в тот миг, когда тот понял, что должен сделать выбор. Помнил, как Зет отвёл взгляд.

Но свидетель помнил и другое.

Он помнил мир, в котором Зет не отводил взгляд.

Мир, в котором печати не были созданы.

Мир, в котором война Древних закончилась иначе.

И ещё один мир, в котором не было ни войны, ни печатей, ни самого Зета.

Все эти миры существовали как возможности. Большинство никогда не становились реальностью. Но они не исчезали бесследно. Они оставляли следы — в снах, в забытых именах, в решениях, которые люди принимали без видимой причины.

Свидетель не хотел возвращаться ради мести.

Месть была слишком простой целью для того, кто видел бесчисленные исходы.

Он хотел, чтобы мир снова получил возможность выбирать.

Даже если выбор приведёт к гибели.

Даже если кто-то выберет неправильно.

Даже если Зет окажется прав.

Свидетель протянул руку к темноте.

Перед ним возникли восемь огней.

Первый вспыхнул в Квойдоре.

Второй — на юге, рядом с золотой пластиной.

Третий — в долине Чёрного Снега.

Четвёртый — у стены, перед которой стоял Давион.

Остальные четыре оставались тусклыми.

Свидетель коснулся первого огня.

— Один вспомнил, — прошептал он.

Затем второго.

— Одна отказалась.

Третьего.

— Один усомнился.

Четвёртого.

— Один выбрал сам.

Он убрал руку.

— Этого достаточно, чтобы начать.

В темноте за его спиной шевельнулось нечто огромное.

Свидетель не обернулся.

— Нет, — сказал он. — Ещё не время.

Из глубины донёсся звук, похожий на далёкий гром.

— Они снова будут сражаться.

— Возможно.

— Они снова будут выбирать власть вместо свободы.

— Возможно.

— Тогда зачем возвращать им право выбора?

Свидетель посмотрел на восемь огней.

— Потому что мир, в котором никто не может ошибиться, — это мир, в котором никто не может быть невиновен.

Тьма замерла.

А затем из неё прозвучал вопрос:

— И что будет, когда они узнают твоё имя?

Свидетель впервые улыбнулся.

— Тогда я перестану быть тем, кого они забыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.